

Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560

№ 1 (44) 2023

МОСКОВСКИЙ BAZAR

МОСКВА, 2023

Колонка главного редактора

Про Адама, Еву и их джунгли

Так уж вышло, что первый в наступившем году, весенний номер журнала выходит после праздников – Дня защитника Отечества (23 Февраля) и Международного женского дня (8 Марта). Эти праздники плавно перекечевали из СССР и так и остались для многих любимыми. В эти дни мужчинам принято дарить подарки, а женщин засыпать цветами. Эти праздники всегда считались днями мужчины и женщины, сильного и слабого пола. Уже в детском саду и в школе девочки поздравляют будущих защитников родных рубежей, а мальчики дарят девочкам подарки. Традиции сложились давно, и менять их мы не торопимся.

Несколько месяцев назад глава европейской дипломатии Жозеп Боррель сказал, что западный мир – это сад, а все остальное – джунгли. Этакая отсылка к райскому саду. Помните, был такой прекрасный Эдем, создал его Господь, садовником сделал Адама, а чтобы не было Адаму скучно, сотворил из его же ребра жену ему, Еву.

Так и жили Адам и Ева в Эдеме, горя не знали, были они бессмертны и безгрешны. Но змей-искуситель уговорил Еву попробовать плод с дерева познания добра и зла, и не устояла любопытная женщина, да еще и мужа подвела, дав ему попробовать запретный плод. В общем, изгнал Господь прародителей рода человеческого из прекрасного сада за непослушание, обрек на страдания и муки.

И вот господин Боррель сообщил всему человечеству, что справедливость восстановлена, сад хоть и не на прежнем месте, но по-прежнему прекрасен. А живут в нем теперь не бинарные особи мужского и женского пола, как раньше, а разнообразные гендеры то ли 40, то ли 60 разновидностей. Во всяком случае, если вы возьмете любой официальный документ, где нужно как-то идентифицировать себя, то помимо квадратиков «М» и «Ж» вам будет предложено на выбор еще несколько квадратиков, в Австрии, например, их шесть.

И вообще, многие современные ученые, вероятно британские, убеждены, что никаких «М» и «Ж» вовсе не существует, нет никакого полового диморфизма, а все это выдумки необразованных людей, основанные на социальной несправедливости. И все мы небинарны. Вот, например, американская актриса Джейми Ли Кертис, которая, получив кинопремию «Оскар» и прижимая к щеке полученную статуэтку, называла ее не иначе как «они», ибо статуэтка, по ее мнению, небинарна. А еще актриса очень гордится своей дочерью Руби, которая еще недавно была сыном. Да что там статуэтка, небинарным стал Бог Отец, которого англиканская церковь предлагает больше не называть «Отец» и «Он». А раз нет Отца, возникает вопрос, а была ли Мать. От кого же родила сына Мария, и вообще, рожала ли? И была ли женщиной? Как известно, мужчины теперь в новом Эдеме тоже могут рожать, поскольку превратиться из мужчины в женщину – тьфу, сущий пустячок. В общем, странно как-то запахло в этом их саду, все больше серой отдает.

К. Петров-Водкин. Изгнание из рая. 1911 г.

Но есть все-таки в этом идеальном саду и свой минус, можно даже сказать – несправедливость: гендеры есть, а праздника своего у них нет. Вот в наших джунглях каждый гендер – простите, пол – имеет свой законный праздник. А у них там, в саду их inferнальном, всего один единственный праздник – 8 Марта. Ну, с мужчинами все понятно, они запросто могут прилепить резиновые груди, надеть юбку и объявить себя женщинами, а остальным как быть? Которые «они»? Кто не идентифицирует себя ни с «М», ни с «Ж»? Пора подавать в европейский суд по правам человека. Хотя уместно ли в данном случае слово «человек»? В европейский суд по правам *гендеров* – так, пожалуй, будет точнее.

А в наших джунглях все по-прежнему. Адам и Ева скучают, их больше некому искушать, для искушителя нашлось место поинтереснее. Едят яблоки, читают телеграм-каналы, телевизор смотрят, спорят друг с другом, иногда приходят к консенсусу, иногда нет.

Детей воспитывают. Время от времени с опаской поглядывают с сторону «сада». Жизнь продолжается, как и много тысяч лет назад. Только декорации поменялись.

Рано или поздно время «сада» истечет. Все эти многочисленные гендерные особи неспособны иметь потомство, потому что дети рождаются у женщины и мужчины, у отца и матери. С алтарей уберут радужные флаги, Бога снова станут называть Отцом, а Богородицу Матерью. Мужчины перестанут рожать, а из возможных вариантов в официальных документах останется только «М» и «Ж». В этом нет никаких сомнений. Рано или поздно этот морок спадет. Да и здоровых людей в этом «саду» предостаточно, они прекрасно все понимают, просто пока молчат.

Редакция журнала поздравляет вас, дорогие наши читатели, мужчины и женщины, с прошедшими праздниками. В этом году они особенные, не такие, как раньше. Многие наши мужчины – мужья, сыновья, отцы – сейчас защищают Родину, а их жены, матери и сестры с нетерпением и волнением ждут своих защитников домой.

Желаем всем нашим мужчинам и женщинам оставаться самими собой, любить друг друга, создавать семьи, воспитывать детей, защищать родной очаг – это ли не счастье!

С праздниками, дорогие друзья!

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

ЕЛЕНА ОБРАЗЦОВА (МОССАЛИТ, Москва)

2023-й – Год педагога и наставника

- **«В ШКОЛЕ КАЖДЫЙ УРОК ИСТОРИИ – ЭТО УРОК НРАВСТВЕННОСТИ...».** Интервью с учителем высшей категории преподавателем истории и обществознания Верой Петровной Кузнецовой. *Специально для МВ*

7

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

АЛЕКСАНДР КОСТЕРЕВ (Санкт-Петербург)

- *КАНДИНСКИЙ: ПРОБУЖДЕНИЕ ДУХОВНОГО ПОЭЗИЕЙ ЦВЕТА, ЗВУКА И СЛОВА*

14

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСАНДР КОСТЕРЕВ (Грендель) (Санкт-Петербург)

ВИКТОРИЯ СИТЕНКО (Каланчина) (г. Рубцовск, Алтайский край)

ЛАРИСА ЕСИНА (Краснодар)

ИРИНА БЕЛОКОЛОС (Донецк)

ОЛЕГ СЕЛЕДЦОВ (Краснодар)

ЛАРИСА ПРАШКИВСКАЯ-ФЕЛИСИОН (Москва)

ЮЛИЯ СОРОКИНА (МОССАЛИТ, Москва)

АЛЕКСАНДР ЧЖОУ (Москва)

25

26

27

28

31

32

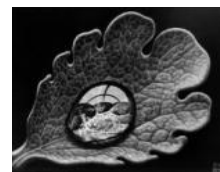
37

41

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА – ГОЛОС ПРОШЛОГО

ПЕТР ДУБЕНКО (МОССАЛИТ, с. Старая Балыкла, Самарская обл.)

- *ВКУС ОТРАВЛЕННЫХ ПЛОДОВ. О романе Веры Богдановой «Сезон отравленных плодов»*

44

ПРОЗА

ЕКАТЕРИНА ОВСЯННИКОВА (Санкт-Петербург)

- *УА*

МАКСИМ ЗАИКИН (Новокуйбышевск, Самарская обл.)

- *ЗЕЛЕНЬ ШЕЕЛЕ*

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- *СМОТРИ, КАКИЕ ОБЛАКА!*

МАРИ ВЕГЛИНСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- *КРЕЩЕНИЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВОМ*

СЕРГЕЙ ГАМАЮНОВ (с. Александровское, Ставропольский край)

- *ПО УЛИЦАМ ДЕТСТВА*

49

52

56

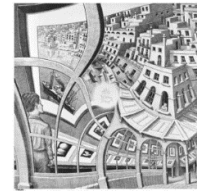
62

66

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

ДАРЬЯ ГАЛЬЦОВА (Воронеж)

- НАША ШКОЛЬНАЯ СТРАНА

70

Галерея VazART

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ХУДОЖНИКИ ДМИТРИЙ ПОПОВ, МАКСИМ КРЮКОВ. *Выставка «Ловцы цвета». 21 января 2023 г.*

78

МАСТЕРСКАЯ ОЛЬГИ ГУРЕВИЧ. УЧЕНИКИ О ЗАНЯТИЯХ ЖИВОПИСЬЮ. *Выставка «Познавая цвет». 18 февраля 2023 г.*

80

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

НАТАЛЬЯ ПУНИНА-ОРЛОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- СКАЗАНИЯ О ДРУГИХ МИРАХ

СВЕТЛАНА КАТЕРИНКИНА (Москва)

- ВОВКА

ЮЛИЯ ДЖЕЙКОБ (Пучкова) (Москва)

- СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

83

85

87

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ПРИМЕРОЧНЫЕ КАБИНКИ ДЛЯ МУЗ

92

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

АНАСТАСИЯ МИЛЮТИНА (Москва)

- МОЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОРГ! ОСТРОВ САХАЛИН. *Хроники одного путешествия*

95

*В оформлении журнала использованы
репродукции картин и иллюстраций К. Петрова-Водкина,
М. Эшера, В. Кандинского, Д. Попова, М. Крюкова,
учеников мастерской художника О. Гуревич, рисунки Л. Прашкивской-Фелисион
фотографии из авторских архивов В. Кузнецовой, А. Милютиной, Д. Гальцовой,
фотоархивов МОССАЛИТа, открытых интернет-источников.*

*На обложке:
Дмитрий Попов. Петухи. 2021*

Московский BAZAR № 1 (44) 2023

Руководитель проекта Ольга Грушевская
Главный редактор Светлана Сударикова
Редактор-корректор Ирина Чижова
Художественный редактор Ольга Грушевская

Кураторы рубрик:

«Проза» – Светлана Сударикова
 «Поэзия» – Алексей Казарновский, Ольга Уваркина, Юлия Сорокина
 «Культурное наследие» – Ольга Грушевская, Светлана Сударикова
 «Частная территория» – Светлана Сударикова
 «Публицистика», «Голос прошлого – литературная критика» – Петр Дубенко
 «BAZART» – Ольга Грушевская
 «Записки на манжете» – Ольга Рыбакова
 «Детское чтение» – Ольга Уваркина
 «Собираем чемоданы» - Анастасия Милютина

Журнал выходит в рамках проекта творческой мастерской «МОССАЛИТ»

www.moscowbazar.com © МОССАЛИТ

Дмитрий Попов. 2022 г.

Московский BAZAR № 1 (44) 2023

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

2023-й – Год педагога и наставника

Елена Образцова

(МОССАЛИТ, Москва)

Специально для журнала «Московский BAZAR»

Техническая помощь – Александр Ковалевский

*Интервью с учителем высшей категории
преподавателем истории и обществознания
Верой Петровной Кузнецовой*

«В ШКОЛЕ КАЖДЫЙ УРОК ИСТОРИИ – ЭТО УРОК НРАВСТВЕННОСТИ...»

Учитель – как гордо звучит это слово! Как много глаз устремлено на учителя. Как много надежд возлагают на него дети, мамы, папы, бабушки, дедушки. Какая это ответственная миссия – творить человека!

Веру Петровну Кузнецову я знаю давно, она удивительно эрудированный и сердечный человек, труженица, профессионал своего дела, да и просто красивая женщина. Хочу побольше рассказать о ней как о педагоге. Ведь сегодня, когда вопрос образования, воспитания патриотизма стоит особенно остро, роль учителя истории и обществознания приобретает ключевое значение.

Елена Образцова (ЕН): Вера Петровна, давайте начнем по порядку – расскажите о начале своего долгого и такого насыщенного пути учителя.

Вера Петровна (ВП): В августе 1973 года я поступила в Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина на исторических факультет и в 1978 году окончила его. С 1978 по 1981 год работала старшей вожатой. Затем заместителем директора по учебно-воспитательной работе в школе № 171 города Москвы. Там мы с ребятами создали музей Героя Советского Союза Дмитрия Михайловича Карбышева, чье имя носила пионерская дружина школы.

Затем по просьбе райкома комсомола в октябре 1981-го я пришла работать заместителем директора в детский дом «Молодая гвардия» во Внукове. Было страшно, этих детей я не знала, расположение в трех корпусах неудобное, группы большие по 35–40 человек. Воспитателей не хватает. Были дети маленькие и большие, со своими непростыми судьбами, тревогами и надеждами. А еще детский дом располагался в старом имении графа Абrikосова. Эта история меня захватила, и я предложила ребятам и коллективу педагогов сделать музей истории детского дома. Стали собирать материалы.

Многие из них были награждены орденами и медалями, некоторые не вернулись с войны. Одним из самых тяжелых последствий войны было большое число осиротевших детей, поэтому летом 1943 года в детский дом «Молодая Гвардия» поступают дети-сироты от 3 до 9 лет, возвращаются эвакуированные, и детский дом открывается вновь.

Из истории Детского дома

Детский дом был основан 6 октября 1919 года. Тогда он назывался загородной школой второй ступени. Организатором и первым руководителем детского дома был Степан Сергеевич Щербаков. В 1923 году детскому дому было присвоено имя «Молодая гвардия» в связи с выходом одноименного стихотворения поэта Безыменского, ставшего гимном молодежи тех лет. А летом 1927 года детский дом был переведен на новое место в бывшее имение графа Абрикоса вблизи села Изварина. В 1931 году изменился профиль школы, ее преобразовали в школу крестьянской молодежи. В июле 1933 года школа крестьянской молодежи «Молодая гвардия» была реорганизована в детский дом.

Первыми его воспитанниками стали одиннадцать ребят из детского дома села Спасское в Рязанской области (см. фото 1926 г.). 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, детский дом был эвакуирован на Урал. Двадцать девять выпускников и тринадцать сотрудников детского дома «Молодая гвардия» ушли на фронт и храбро сражались с врагом.

В честь молодогвардейцев, участвовавших в боях за Родину и трудившихся в тылу, 8 мая 1985 года был торжественно открыт памятник Вечной Славы на территории детского дома. Он был создан руками воспитанников и шефов.

Среди воспитанников детского дома были люди, которые имели непосредственное отношение к истории нашей страны.

Яков Семенович Кормышев – с 1941 по 1959 год офицер Советской армии, награжден двумя орденами Красной Звезды. В 1974 году работал начальником отдела управления Министерства гражданской авиации.

Михаил Ильич Максимов – бывший десантник, храбро сражался был трижды ранен, но остался жив. Врачи госпиталя были категоричны: «Прыгать больше нельзя». В 1943 году боец-десантник в письме учительнице детского дома Грызловой Ирине Павловне пишет: «Верь, настанет светлый час, все придет и сбудется! Будет праздник и у нас, и на нашей улице!». Максимов был молод, упрям. После войны работал инструктором парашютистов, позже тренировал первых космонавтов страны. С ним дружили все первые космонавты, в том числе космонавт номер один Юрий Алексеевич Гагарин. У Михаила, как и у многих других воспитанников детского дома, навсегда осталось чувство признательности и благодарности к коллективу воспитателей и учителей, сделавших из них трудолюбивых людей, воспитавших в них чувство долга, ответственности за порученное дело. Для всех молодоговардейцев детский дом стал настоящей путевкой в жизнь.

Работа в детском доме была трудная. Сажали и убирали картошку, ухаживали за коровами, лошадьми, собирали яблоки в саду, ходили в походы, ездили на экскурсии в музей Москвы и Подмосковья, в другие города: Ленинград, Смоленск, Таллин

Большую помощь оказывали шефы детского дома. Всё делали вместе с воспитанниками. В 1985 году провели конкурс на лучший проект памятника. Своими руками сделали и открыли памятник сотрудникам и воспитанникам детского дома, погибшим в годы Великой Отечественной войны. А затем открыли музей истории детского дома. Это был уже второй музей в моей практике.

ЕН: Я знаю, что некоторое время вы работали в депутатском корпусе местного совета.

ВП: Да, есть такой опыт. В апреле 1990 года в составе депутатского корпуса я была избрана заместителем председателя Внуковского сельского совета народных депутатов, работала там два года, но поняла, что это не мое. И в 1993 году вернулась учителем истории в московскую школу № 1238. Там и работаю до сих пор, уже тридцать лет.

*Торжественная линейка, 11 класс.
1 сентября 2022 г.*

В. П. Кузнецова

ЕН: Вы преподаете историю. Как вы выстраиваете свой урок? Наверное, преподаватель должен обладать не только глубокими знаниями материала, но и иметь способность увлечь учеников своим предметом, заинтересовать и вдохнуть любовь к истории Отечества.

ВП: Я преподаю историю и считаю, что именно история делает человека Гражданином. В школе каждый урок истории – это урок нравственности, это событие. Надо сделать так, чтобы ребенок понимал язык исторической науки. Я считаю, это надо делать постепенно – вспомогательными историческими дисциплинами. Уже в начальной школе я проводила инсценированные уроки, исторические кружки, походы в театры, музеи, экскурсии, поездки по древним русским городам Золотого кольца России, экскурсии в Грецию, в Египет, Германию, Англию, Францию, Финляндию, Швецию, Италию.

*Экскурсия в город-герой Смоленск. Январь, 2004 г.
В перерывах между музеями – на катке 11 класс*

В. П. Кузнецова

Поклонная гора, у Вечного огня. 11 класс. Сентябрь 2022 г.

Усадьба Царицыно. 11 класс. Октябрь, 2022 г.

Особое место в моей практике занимает приобщение учеников к истории России, воспитание патриотизма – для этого я организую поездки по городам-героям. В этих местах и слов не нужно. Дети чувствуют подвиг своих предков сердцем, душой. Волгоград, Курск, Брестская крепость, Минск, Хатынь, Киев, Одесса, Новороссийск, Севастополь, Тула – это города-герои, в которых мы побывали с детьми. Наш проект назывался «Дорогами памяти».

На основе собранных материалов был создан большой раздел темы Великой Отечественной войны, который вошел в экспозицию нашего третьего музея «Моя малая Родина: Ново-Переделкино».

За многолетнюю работу Вера Петровна Кузнецова была отмечена наградами: «Учитель высшей категории», грамота Министерства образования, «Ветеран труда», медаль «В память 850-летия Москвы», лауреат конкурса «Учитель года России» 1998 г., лауреат конкурса Грантов мэра Москвы в области науки и технологии 2002 г., медаль «Почетный работник в области образования», медаль «30 лет работы в образовании г. Москвы».

В одном из наших очередных туров по Европе, будучи в Лондоне, мы неожиданно для себя встретились с Владимиром Вольфовичем Жириновским. Он шел по противоположной стороне дороги и ни о чем не подозревал. Я окликнула его: «Владимир Вольфович!» Он повернул голову в нашу сторону, и я сказала: «Идите к нам!»

Никто из моих попутчиков не мог поверить, что это настоящий Владимир Вольфович. Когда он перешел к нам, то спросил: «Как вы сюда попали?» Дети ему

Экскурсия в Великобританию, Лондон, 2006 г.

Неожиданная встреча

с Владимиром Вольфовичем Жириновским

ответили: «На автобусе!» – «Как на автобусе! А вы откуда?» – «Из Москвы!» – «Из Москвы – и на автобусе?» Все засмеялись. А дальше стали расспрашивать Владимира Вольфовича, как он приехал в Лондон.

И Владимир Вольфович с удовольствием общался с нами. Он стал с детьми говорить о нашей России, политике, родном доме, детях, о том, как важно учиться. Эта встреча была очень познавательной для всех нас и приятной, надолго запомнилась.

ЕН: Вы ведь давно работаете в школе и, наверное, как никто другой замечаете, как меняется время, запросы, дети и их родители. Что изменилось?

ВП: Вот уже 50 лет тружусь в образовании. Меняется многое. Подходы, принципы, технологии. Меняются родители и дети. Родители стали требовательнее, дети, имеющие доступ к мобильным устройствам, более информированны, коммуникабельны, поэтому более раскрепощены. Смелее вступают в диалог с учителем на уроках. Пытаются отстоять свою точку зрения на те или иные события. Более мотивированны в выборе профессии и высшего образования.

Вместе с тем, практика показывает, что дети мало читают, мало общаются между собой, заменяют прямое общение перепиской в соцсетях. Радует, что среди молодого поколения немало людей творческих, целеустремленных, талантливых, владеющих различными компетенциями.

Я постоянно учусь: у детей, у своих коллег, чтобы слово, сказанное учителем, привело к действиям, а действия – к осознанным поступкам. Я верю в великую силу воспитания. Для меня школа – это дом, где хорошо всем и каждому. Здесь крепок союз детей, родителей, педагогов, который вершит свое главное дело – формирование личности. Это и есть гуманная педагогика.

Я горжусь своей профессией еще и потому, что семнадцать человек из числа моих воспитанников сегодня работают учителями в школах города Москвы, и это счастье!

Возможно, мой вклад в педагогику невелик, но нас много, людей, которые готовят будущее и в ответе за то, каким оно будет. И что бы там ни было, главным вечным и неизменным в школе остается учитель. И пусть девизом станут слова: «Подари свое сердце детям».

Я опять тороплюсь на рассвете.
Ну конечно, в школу и к детям.
Я вливаюсь в мир голосистый,
Многоликий, цветной и лучистый.

Я с волнением дверь открываю
И любовь и надежду встречаю...
Я ловлю этих глаз пытливость,
Озорство, кокетство, игривость...

Сотни душ нараспашку открыто –
Доверяют. А справишься ты-то?
Доверяют, а значит верят,
Ну и ты распахни им двери.

Настежь, радостно! И без оглядки
Поливай росточек на грядке.
Терпеливо, внимательно, чутко,
Нежно, ласково, может быть, с шуткой.

Мы за души детей в ответе –
Есть ли миссия выше на свете?
Есть ли миссия выше на свете!
Подари свое сердце детям!

(В. Кузнецова)

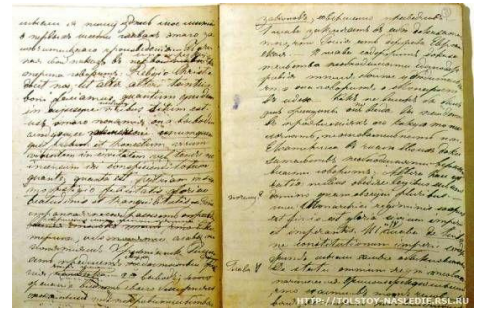
Выпускной вечер в 2017 г. Школа № 1238

ЕН: Большое спасибо за встречу и увлекательный рассказ. Уверена, что наш материал будет интересен читателям МВ. Успехов вам, терпения и, конечно, здоровья!

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Александр Костерев
(Санкт-Петербург)

Автор стихов, эссе, коротких рассказов, пародий, переводов, опубликованных в российской периодике: «Смена», «Советская культура», «Новгородская правда», «Тюменский комсомолец», «Уральский рабочий», «День литературы», «Новый мир», «Дальний Восток», и др., а также за рубежом. Участник пяти коллективных сборников поэзии и прозы. Победитель и лауреат международных и российских литературных конкурсов.

КАНДИНСКИЙ: ПРОБУЖДЕНИЕ ДУХОВНОГО ПОЭЗИЕЙ ЦВЕТА, ЗВУКА И СЛОВА

В ожидании синего всадника

СИНИЙ ВСАДНИК Der Blaue Reiter

Под редакцией В. Кандинского и Ф. Марка
Мюнхен, 1912

Манифест творческого объединения «Синий всадник» так определил направление его движения: «Там, где вожди ведут за собой толпу направо, мы идем налево: там, где они указывают цель, мы отворачиваемся от нее; мы торопимся к тому, от чего они предостерегают» [7, с. 315-327].

В 1896 году на московской художественной выставке среди многих замечательных картин были представлены полотна Клода Моне. «К тому же времени, — писал Кандинский, — относятся два события, наложившие печать на всю мою жизнь. Это были: французская импрессионистская выставка в Москве — и особенно “Стог сена” Клода Моне — и постановка Вагнера в Большом театре — “Лоэнгрин”. И вот сразу увидел я в первый раз картину. Мне казалось, что без каталога не догадаться, что это — стог сена. Эта неясность была мне неприятна: мне казалось, что художник не в праве писать так неясно. Смутно чувствовалось мне, что в этой картине нет предмета. С удивлением и смущением замечал я, однако, что картина эта волнует и покоряет, неизгладимо врезывается в память и вдруг неожиданно так и встанет перед глазами до мельчайших подробностей. Но совершенно стало мне ясно, что искусство вообще

Василий Васильевич Кандинский (1866—1944) — русский художник и теоретик изобразительного искусства, стоявший у истоков абстракционизма.

Происходил из семьи нерчинских купцов. Его прабабушка была из хамниган — из княжеского рода Гантимуровых, отец — представителем старинного кяхтинского рода Кандинских, которые считали себя потомками правителей мансийского Кондинского княжества.

обладает гораздо большей мощью, чем это мне представлялось, и что, с другой стороны, живопись способна проявить такие же силы, как музыка» [5, с. 18,19].

Глубокие впечатления от этих первых знаковых событий Кандинский попытался выразить в 1903 году картиной «Синий всадник».

«Очень много потребовалось времени, — писал Кандинский, — прежде чем я нашел верный ответ на вопрос: чем должен быть заменен предмет [5, с. 31]. Выключение предметности из живописи ставит естественно очень большие требования способности внутренне переживать чисто художественную форму. От зрителя требуется, стало быть, особое развитие в этом направлении, являющееся неизбежным. Так создаются условия, образующие новую атмосферу. А в ней, в свою очередь, много, много позже создастся чистое искусство, представляющееся нам нынче с неописуемой прелестью в ускользающих от нас мечтах» [5, с. 50].

В течение нескольких лет Василий Кандинский записывал свои мысли и наблюдения на немецком языке, которые послужили основой его книги «О духовном в искусстве», написанной в 1910 году в Мюнхене и неоднократно переизданной впоследствии на многих языках. Необычность изложения и своеобразие идей Кандинского — основные коммерческие преграды на пути издания книги — были наконец преодолены, и стараниями мюнхенского издателя господина Пипера в 1911 году книга увидела свет. Успех книги был ошеломляющим — три издания в течение года. О книге заговорили как о новом Евангелии в искусстве. Перевести книгу на русский язык и издать в России помешала война 1914 года. Однако русские художники были знакомы с идеями Кандинского по докладу Николая Кульбина на съезде художников в 1911 году, опубликованном в российской печати.

В 1911 году Василий Кандинский и его друг экспрессионист Франц Марк организовали творческое объединение «Синий всадник». В группу входили художники, танцоры и композиторы. Участники «Синего всадника» интересовались средневековым и примитивным искусством и популярными в Европе течениями — фовизмом и кубизмом.

«Моя книга “О духовном в искусстве”, а также и “Синий всадник”, — писал Кандинский, — преследуют преимущественно цель пробуждения этой в будущем, безусловно, необходимой, обуславливающей бесконечные переживания способности восприятия духовной сущности в материальных и абстрактных вещах. Желание вызвать к жизни эту радостную способность в людях, ею еще не обладающих, и было главным мотивом появления обоих изданий. Все попытки осуществить “Синего всадника” кончались неудачей. Франц Марк, с которым я в ту пору общей ко мне вражды познакомился, нашел издателя для первой книги. Осуществлению второй он также помог и своим умным и талантливym сотрудничеством» [5, с. 52].

Книги Кандинского, как он сам неоднократно отмечал, ни в коем случае нельзя рассматривать как программы для художников, заплутавших в теоретической рассудочной работе, способные побудить творческое сознание, ибо свыше установленному сроку неизбежное созревает само, то есть творческий дух находит доступ к душе (возможно, к душам) и становится источником, побуждающим облечь это духовное в материальную форму картины, звука, стиха...

В 1913 году вышли мемуары Кандинского и сборник стихов в прозе «Звуки» с цветными и черно-белыми литографиями. «Цвет — это клавиш; глаз — молоточек; душа — многострунный рояль. Художник есть рука, которая посредством того или иного клавиша целесообразно приводит в вибрацию человеческую душу» [4, с. 21].

«Синий всадник», как формальное художественное движение, просуществовавшее весьма недолго — два года, — с формальной же точки зрения скончалось. Однако, наиболее понятные и приемлемые на тот момент творческие принципы, послужили основой для создания новых школ, и, как ни парадоксально, движение стало шире и одновременно — компактнее.

Попробуем, предвидя неочевидность развития и восприятия творчества Кандинского, услышать и увидеть подлинного «Синего всадника» в надежде, что духовная зрелость, чей приход мы с таким нетерпением ожидали, уже постучалась в наши души.

Когда умирает Диоген, остается его пустая бочка

«Каждая новая ценность принимается людьми в штыки. С ней пытаются справиться насмешкой и клеветой. Человека, принесшего эту ценность, изобразят смешным и бесчестным. Она будет осмеяна, она будет поругана» [6, с. 26].

Кандинский был абсолютно уверен, что внутренний творческий дух художника, в ряде случаев отказавшись от материального, обязательно отыщет узкую тропинку к его душе, а пробужденная душа найдет убедительный способ облечь созданную духовную ценность в некую материальную форму. Беда большинства современников, что их неподготовленное сознание (да и как его можно подготовить к духовному взлету конкретного индивидуума?) не воспримет эту новую форму, а главное, не сможет различить подлинный дух художника в этой форме.

Новая ценность всегда очень медленно приобретает сторонников, но хуже другое: когда в глазах многих она постепенно станет сначала понятой, затем соответствующей времени, а в завершение — непреложной, в тот же самый момент она сама превратится в преграду на пути в завтрашний день. Новые ценности, вытесняя отжившие (и только отжившие, а не вечные), постоянно преобразуются в препоны. Смысл творческой жизни — в неудержимых постоянных победах новых ценностей, эволюция — внутреннее развитие общества и его внешних культурных проявлений в форме непрерывного перемещения создаваемых преград.

В. Кандинский.
Зима. 1909 г.

Учитывая эволюцию ценностей, становится очевидным, что важнее не сама новая ценность, а внутренний дух художника, сумевший выразить себя в этой ценности. Свобода творца — это в первую очередь свобода откровения, а форма, обусловленная временем, является не более чем способом обнародования откровения сегодняшнего дня. Не следует обожествлять форму, а воспринимать ее как ценность нужно ровно до тех пор, пока она является средством выражения внутреннего голоса.

«Для каждого художника (то есть художника-творца, а не “копииста” чужих ощущений) — его собственные выразительные средства (форма) лучшие, так как посредством их он воплощает то, что обязан воплотить. Часто отсюда делается ложный вывод — эти средства лучшие и для других или должны быть таковыми» [6, с. 28]. Поскольку форма определяется духовным содержанием, а содержание у разных мастеров различно, очевидно, что одновременно может существовать множество разных, не только равно хороших, а в известном смысле идеальных форм. Априори форма несет на себе отпечаток личности, которая не может рассматриваться как нечто вневременное и внепространственное. Как каждый художник — представитель народа, которому он принадлежит, — несет свое слово, привнося национальное в творчество. Форма может казаться прекрасной или уродливой, гармоничной или дисгармоничной, искусной или неумелой, утонченной или грубой и т. д. Но отвергать или принимать ее следует не за эти качества, которые можно отнести к разряду позитивных или негативных, не по признаку того, как воздействует на душу форма, но как через форму донесено содержание (дух, внутренний голос). Но нельзя форму пытаться превратить в униформу: произведения искусства — индивидуумы, а не солдаты. Одна и та же форма в руках одного и того же мастера может быть в одном случае самой лучшей, в другом — самой худшей. В первом — она возникает из внутренней необходимости, во втором — из внешней: из тщеславия и алчности... В общем, мне стало в этот день бесспорно ясно, что предметность вредна моим картинам» [5, с. 29].

«Переживание чужих произведений подобно в широком смысле переживанию природы. А слеп и глух не может быть художник. Напротив, еще с более радостным сердцем, с еще более

уверенным пылом переходит он к собственной работе, видя, что и другие возможности (а они бесчисленны) верно (или более или менее верно) используются искусством. Что касается меня лично, то мне любя каждая форма, с необходимостью созданная духом. И ненавистна каждая форма ему чуждая» [5, с. 51].

«Но теперь я знаю, что “совершенство” это только видимое, быстротечное и что не может быть совершенной формы без совершенного содержания: дух определяет материю, а не наоборот. Обвороженный по неопытности глаз скоро остывает, а временно обманутая душа скоро отворачивается» [6, с. 36].

Многие, искавшие Бога, поклоняются нарисованному идолу

«Как много людей, ищущих искусство, остались приверженцами одной формы, использованной художником для своих целей, будь то даже Джотто, Рафаэль, Дюрер или Ван Гог!» [6, с. 30].

Важнейшим в оценке формы является не то, что она личностна, национальна, соотнесена с определенным стилем, находится в тренде современных движений искусства, состоит или не состоит в родственной близости с иными формами, или пребывает в гордом одиночестве. Важнейшее в вопросе о форме, продиктована ли она внутренней необходимостью самовыражения художника.

Чем значительнее и ярче историческая эпоха, тем активнее ее стремление к духовному, тем разнообразнее формы и тем крупнее наблюдаемые явления и целые направления в искусстве.

«И не нужно устанавливать перед собой границы, они и без того установлены. Это относится не только к отправителю (художнику), но и к адресату (зрителю). Он может и должен идти за художником, он не должен опасаться того, что его ведут ложной дорогой. Даже физически человек не в состоянии передвигаться по прямой, а что же тогда говорить о духовном движении. И очень часто путь духа напрямик самый долгий, потому что он ложен, между тем как кажущийся таковым — самый правильный. Пугливая приверженность к одной форме неизбежно ведет в тупик. Открытое чувство — к свободе» [6, с. 31].

Дух, и только дух, творит и переходит от формы к форме в поисках своего убедительнейшего и возможно единственного в данный момент времени выражения. Следовательно, и здесь установлены границы, которые, однако, должно характеризовать как внутренние и которые должны будут заменить внешние. И эти границы будут также постоянно расширяться, следовательно, будет постоянно разрастаться свобода, в свою очередь прокладывая путь дальнейшим откровениям. Современное искусство, в этом смысле правильно характеризуемое как анархическое, отражает не только уже завоеванные духовные позиции, но воплощает и созревшее к откровению духовное как материализирующую силу.

Заимствованные духом художника из вселенской кладовой формы воплощения в конечном счете распределяются между двумя полюсами: великая абстракция — великая реальность, между которыми широчайший спектр комбинаций сочетаний абстрактного с реалистическим в различных пропорциях. Эти два элемента всегда взаимно определяли в направления в искусстве от «художественных» до «предметных». Первое находило отражение во втором, а второе, как правило, служило первому, в безуспешной попытке вечного балансирования приблизиться к идеалу.

«С одной стороны, абстрактное лишили устоев предметного, отвлекающих внимание, и зритель почувствовал себя парящим. В этом случае, кажется, что искусство утрачивает почву под

ногами. С другой стороны, предметное лишили отвлекающей внимание зрителя идеализации абстрактного (“художественного”), и он почувствовал себя пригвожденным к земле» [6, с. 34].

Возможные претензии произрастают из недостаточно развитого чувства как художника, так и зрителя. Привычка уделять внимание форме и, как следствие этого, беглый взгляд зрителя, то есть его приверженность привычной форме, уравновешенности — вот силы, лишаящие свободное чувство свободного пути.

«Строгой реалистике противостоит великая абстракция, которая сводится к стремлению полностью исключить предметное и к попытке воплотить содержание в “нематериальных” формах. Если в великой реалистике реальное представляется необычайно большим, а абстрактное необычайно малым, то в великой абстракции это соотношение — обратное. В конечном счете два данных полюса будут равны друг другу. Величайшее различие во внешнем становится величайшим равенством во внутреннем» [6, с. 36].

По букве закона?

«Рассматривая ту или иную букву этих строк непривычными к ней глазами, то есть не как привычное обозначение части слова, но прежде всего как вещь, читатель увидит в ней помимо выполненной людьми практически целесообразной абстрактной формы, являющейся постоянным обозначением определенного звука, еще телесную форму, совершенно самостоятельно оказывающую определенное внешнее и внутреннее воздействие» [6, с. 39].

В этом смысле буква состоит: из основной формы — явления в целом, которое, характеризуя его в самых общих чертах, может казаться «веселым», «печальным», «ниспадающим», «своенравным» и т. д.; а также из отдельных, так или иначе изогнутых линий, производящих каждый раз определенное воздействие. Мы видим лишь, что буква состоит из двух элементов, выражающих в конечном счете один звук. Отдельные линии второго элемента являются органическими частями первого. С точно такими же конструкциями и такими же подчинениями отдельных элементов одному звуку мы встретимся в любой песне, в любом сочинении для фортепьяно, в любой симфонии. С точно такими же явлениями мы сталкиваемся в рисунке, эскизе, картине. В настоящий момент для нас важно лишь, что буква воздействует двояко: как целесообразный знак или она действует вначале как форма и затем как внутренний голос этой формы самостоятельно и совершенно независимо. Важно, что два этих воздействия не связаны между собой, и в то время как первое — чисто внешнее, второе обладает внутренним смыслом.

Возьмем в качестве примера знак пунктуации тире. Если он стоит на соответствующем месте — это практически целесообразный знак. Если мы захотим удлинить эту короткую линию, оставив ее на своем месте, то смысл сохранится, как сохранится и ее значение, но из-за необычности удлинения приобретет некую неопределенность. Возникнет вопрос: почему она так изменилась и не преследует ли это изменение другой практически целесообразной задачи? Поставим тире в ложном месте. Практически целесообразное утрачивается, возникает мысль об опечатке или типографской ошибке, то есть об искажении практически целесообразного, и это воспринимается негативно. Если же на чистой странице изобразить длинную и закругленную линию, то зритель будет думать о правильном, практически целесообразном ее использовании (до тех пор, пока существует надежда на объяснение), и лишь затем (когда объяснения не найдется) о негативном.

В. Кандинский.
Беспредметная композиция. 1915 г.

В. Кандинский.
Импровизация. 1910 г.

«До тех пор пока та или иная линия остается в книге или на картине, нельзя исключить ее практически целесообразного назначения» [6, с. 40].

Изгоняется ли тем самым предмет, вещь из картины? Нет. Линия — наделена таким же практически целесообразным смыслом, как и стул, фонтан, нож, книга и используется как чисто живописное средство без учета ее других качеств, которыми она может обладать, — то есть в ее чистом внутреннем звучании. Итак, если освободить линию в картине от задачи обозначать предмет и дать ей функционировать в качестве такового, то тогда ее внутренний голос не будет ослаблен никакими побочными ролями и полностью обретет свою внутреннюю силу. Так приходим мы к выводу, что чистая абстракция, как и чистая реальность, пользуется материально существующими средствами. Величайшее отрицание предметного, как и его величайшее утверждение, обретают знак равенства. В принципе не имеет никакого значения, используется художником реальная или абстрактная форма. Обе формы — равноценны, а право выбора должно быть предоставлено самому художнику.

ДРУГОЕ (из сборника «ЗВУКИ»)

Это была большая цифра 3 — белая на темно-коричневом.

Ее верхний крючок был равен нижнему, — так думали многие люди.

Но на самом деле верхний был больше нижнего.

Эта 3 всегда глядела налево и никогда — направо.

При этом она еще смотрела несколько вниз, потому что только казалось, что цифра стоит идеально прямо.

В действительности — это нелегко было заметить — верхний

чуть, чуть, чуть больший крючок клонился влево.

Вот так выглядела эта большая 3 — всегда влево и, едва заметно, вниз.

А, возможно, было и не так [2, с.17].

Очевидный вывод: форма, являющаяся в одном случае наилучшей, в другом может оказаться наихудшей: все зависит от внутренней необходимости, которая одна может сделать форму истинной. Зная правила столярного ремесла, всегда можно сделать стол, но знающий правила живописи не может быть уверен в том, что сможет создать произведение искусства. Нельзя верить ни одному теоретику (историку) искусства или критику, утверждающему, что он увидел в том или ином произведении объективную ошибку. Единственное, что может утверждать теоретик с полным основанием, это до того он не был знаком с данным выразительным средством. И те, кто принимают или отвергают произведение на основании анализа уже известных форм, заблуждаются больше, чем кто-либо другой, и ведут за собой окружающих по ложному пути, воздвигая преграду между доверчивым зрителем и произведением искусства. Идеальным критиком, обладающим душой поэта, может быть лишь тот, кто, попытавшись почувствовать, как действует та или иная форма внутренне, затем сообщит свое впечатление от нее окружающим. Искусству в принципе вредна постановка вопроса о форме и потому, что недаренные люди (то есть глухие к искусству), пользуясь чужими формами, «инсценируют» произведение и тем самым являются источником заблуждений. Зачастую использование чужой формы считается преступлением, обманом, а в действительности же это имеет место лишь тогда, когда «художник» обращается к данным чужим формам намеренно, не испытывая внутренней в них необходимости, и заведомо создает нечто безжизненное, мертвое, мнимое. Вопрос о подражании уже давно не имеет былого значения, неизменно приписываемого ему критикой. Живое остается — мертвое исчезает.

«И действительно, чем глубже мы обращаем наш взор в прошлое, тем меньше находим там инсценировок, мнимых произведений. Они таинственно исчезли. Сохраняются только лишь подлинные художественные сущности, то есть те, тела (формы) которых обладают душой (содержанием)» [6, с. 41].

Мир звучит глазами ребенка

Делая соответствующие выводы из самостоятельности воздействия внутреннего голоса, видишь, что последний обретает силу в том случае, когда отбрасывается подавляющее его внешнее, практически целесообразное назначение.

«Здесь секрет исключительности воздействия детского рисунка на далекого от каких-либо художественных группировок нетрадиционного зрителя. Практически целесообразное чуждо ребенку, он рассматривает любую вещь глазами первооткрывателя, он еще наделен незамутненной способностью воспринимать ее как таковую» [6, с. 42].

В любом детском рисунке с большой долей вероятности обнаруживается внутренний голос предмета, такой, каким его слышит ребенок. Взрослые, в особенности учителя, исходя из своего жизненного опыта, стараются навязать ребенку практически целесообразное и оценивают его работу именно с этой плоской точки зрения, показывая и разъясняя неточности его картины.

Одаренный ребенок, помимо способности отвергать внешнее, наделен властью облачать оставшееся внутреннее в форму, обнажающую это внутреннее с наибольшей силой и таким образом воздействующую (или «говорящую»). Любая форма многолика, а важнейшее качество хорошего детского рисунка — композиция, неосознанное, словно само собой возникающее использование названных выше двух элементов буквы: явления в целом, очень часто точного, доведенного до схемы, и отдельных форм, составляющих в целом — крупную, каждая из

которых живет своей собственной жизнью. Эта огромная, неосознанная ребенком сила находит тут свое выражение и ставит его произведение в один ряд с работами взрослых, а часто и много выше. Художнику, во многом напоминающему ребенка на протяжении всей его жизни, легче, чем кому бы то ни было другому, пробиться к внутреннему голосу вещей.

Единство и разнообразие выразительных средств

Каждый вид искусства обладает своим собственным языком, располагая присущими ему выразительными средствами. При этом у каждого вида искусства — своя собственная жизнь. Средства, используемые различными видами искусств внешне различны: звук, цвет, слово! «По своей же внутренней сути они совершенно тождественны: конечная цель стирает внешние различия и обнажает внутреннее тождество» [6, с. 43].

Теория внутренних колебаний творца и зрителя, высказанная Кандинским, на первый взгляд сложна, в первую очередь с связи с тем, что она не имеет понятной физической природы.

«Конечная цель (познание) достигается человеческой душой путем ее точного колебания» [6, с. 44], эти личностные колебания, несут в себе и для себя различные внутренние движения и тем самым отличаются друг от друга. Создание душевных колебаний — конечная цель любого вида искусства, через утончение души, происходящее само собой путем суммирования определенной совокупности колебаний.

«Правильно найденное художником средство — это материальная форма, в которую он облакает свое колебание, форма, которую он вынужден для него найти. Если средство найдено правильно, то оно вызовет почти тождественное колебание в душе воспринимающего его зрителя, читателя» [6, с. 45].

Ответная — зрительская — вибрация отличается сложностью: она может быть слабее или сильнее, авторской, что зависит от степени развития зрителя (читателя).

Колебание души реципиента приводит в движение другие струны его души, «фантазию», продолжающую работать над произведением. И часто так сильно, что они заглушат первоначальное звучание; есть люди, которых жизнерадостная музыка способна довести до слез, и наоборот. Однако ни при каких обстоятельствах первоначальное авторское внутреннее звучание не исчезает, оно продолжает жить и вершить, хотя и незаметно, свою работу над душой.

В качестве элементов воздействия, которые служат внешними средствами во внутренних величинах, могут использоваться: музыкальный тон и его движение, материально-душевное звучание и его движение, выраженное людьми и предметами, цветной звук и его движение (специфическая возможность сцены), слово. В опере главным элементом будет музыка — источник внутреннего голоса, в балете — танец, который будет использован как абстрактно действующее движение в сочетании с внутренним голосом. Цветной звук, как и слово, получает самостоятельное значение и используется наравне с другими средствами.

Все элементы играют равно важную роль, остаются внешне самостоятельными и используются как равные величины, то есть подчиняясь внутренней задаче. Так, например, музыку можно полностью исключить или оттеснить на задний план, в случае, когда действие, например движение, достаточно выразительно само по себе и интенсивное музыкальное сопровождение может его ослабить. Нарастанию движения в музыке может соответствовать сокращение движения в танце, в результате чего оба движения (позитивное и негативное) обретут большую внутреннюю значимость. Многочисленный ряд комбинаций располагается

В. Кандинский.
Акварель. 1919 г.

между двумя полюсами: содействием и противодействием. Задуманные элементы могут развиваться своим собственным, внешне независимым друг от друга путем. Слово как таковое или соединенное в предложении будет использоваться для того, чтобы образовать известное «настроение», освобождающее первооснову души и сообщающее ей восприимчивость. Звук человеческого голоса будет также использован как таковой, то есть не будет затемнен словом, словесным смыслом.

Кандинский — как веяние, или Второе пришествие «Синего всадника»

Книга Кандинского «О духовном в искусстве» прокладывала путь к русскому читателю более полувека и увидела свет на русском языке только в 1967 году в Нью-Йорке усилиями Международного литературного содружества с предисловием Нины Кандинской, жены художника.

Кандинский искал «родственные души» в футуризме Бурлюка — Маяковского и неопримитивизме, в группе «Бубновый валет», выставки которой 1910–1914 годов были по существу объединенными выступлениями русских, немецких и французских живописцев новейших направлений — экспрессионизма и неопримитивизма.

На выставку 1912 года была приглашена мюнхенская группа «Синего всадника» во главе с Василием Кандинским. «Печальные плоды ожесточенных теоретизирований Кандинского, который делает героическую попытку устранить из своих картин всякую “предметность” и создать из линии “ковер”, не впадая в орнаментальность, — писал поэт Максимилиан Волошин о выставке, — любопытны тем, что в них, действительно, ни с какой точки зрения ничего нельзя понять, при самом искреннем желании разрешить эти шарады. Но на “ковры” эти сухие линии,

напоминающие ломаные полосы железа, смятые во время крушения поезда, не похожи» [1, с. 347].

«Нет ни консерваторов, ни революционеров в искусстве, а есть только хорошее или плохое искусство» [3, с. 402].

Безоглядное увлечение художественными реформами в первые месяцы после революции постепенно уступило место известному недоверию к реформам. «Не все плохо, что существовало до 9 ноября 1918 года, — писал Кандинский, — и, по-видимому, не все окажется хорошо только потому, что это происходит сегодня» [3, с. 401].

ЗАНАВЕС (из сборника «ЗВУКИ»)

Веревка потянулась вниз, а занавес поднялся вверх. Этого момента мы все так давно ждали. Занавес висел. Висел. Он свисал до самого низа. Теперь он вверху. Когда он пополз вверх. Все мы так радовались [2, с. 19]

Замечательный русский философ, мыслитель и критик Аполлон Григорьев, отвечая на вопрос о своей культурной принадлежности, повторял: «Я — веяние», вызывая у оппонентов ироничные, а иногда и злобные насмешки и непонимание.

К уникальному веянию в искусстве можно без сомнения в полном отнесте духовную философию Кандинского, выраженную в цвете, слове и звуке, время для «слушанья», «виденья» и чувствования которой уже созрело, что вселяет надежду на повторное появление «Синего всадника». «Каждое произведение возникает и технически так, как возник космос — оно проходит путем катастроф, подобных хаотическому реву оркестра, выливающемуся в конце-концов в симфонию, имя которой — музыка сфер. Создание произведения есть мироздание» [5, с. 33].

Из всеобщего прошлого органично вырастает последующее будущее, ставшая наглядной связь между отдельными сферами духовной жизни, якобы изолированными друг от друга, их сближение, взаимопроникновение, пробуждение к жизни неизмеримо более богатых новых форм обуславливают необходимость дальнейшего развития идей Кандинского и появления новых публикаций.

Библиография

1. Волошин М. А. Собрание сочинений. Проза 1906-1916 г.г. Очерки, статьи, рецензии. — М.: 1917. — 339 с.
2. Кандинский В. В. Звуки. — Мюнхен. 1913. — 25 с.
3. Кандинский В. В. К реформе художественной школы. — М.: Российская Академия художественных наук. Журнал Искусство №1, 1923. — 10 с.
4. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. — Ленинград, 1989. — 69 с.
5. Кандинский В. В. Текст художника. — Мюнхен – Москва: 1913–1918. Издание Отдела Изобразительных Искусств Народного Коммиссариата по Просвещению. 1918. — 56 с.
6. Синий всадник. Der Blaue Reiter. Под редакцией В. Кандинского и Ф. Марка Мюнхен, 1912 По кн.: Перевод, комментарии и статьи З. С. Пышновской. — М.: Изобразительное искусство, 1996. — 192 с.
7. Documentierte Neue Ausgabe Der blaue Reiter von Klaus Lankheit. — München – Zürich, R. Piper und Co Verlag, 1984. — S. 315–327.

ПОЭЗИЯ

*Александр Костерев (Грендель)
(Санкт-Петербург)*

Не параллельное

В параллельных мирах мы летим – горделивые птицы,
в параллельных мирах, где не встретиться и не проститься,
в параллельных мирах, постигая вселенский простор...
Параллельность миров разделяют заборы и стены:
(сохранив свое «Я» – мы возводим преграды из тлена),
ни звонка, ни письма, ни привета, ни взгляда в упор...
Наш учитель – Евклид, но правы Лобачевский и Риман,
наше первое «Ма!» от прощального – неотлично,
мы не ценим счастливых мгновений до крайней поры...
Параллельны миры... Мы как линии в них одиноки,
не транжирьте любовь: быстротечны улыбки и вздохи,
и, пожалуйста, будьте добры, берегите миры!

Максим Крюков. Спасо-Евфимиев монастырь. Суздаль, 2021 г.

ПОЭЗИЯ

Виктория Ситенко (Каланчина)
(г. Рубцовск, Алтайский край)

Летчик

Мальчишки бежали смотреть самолет:
«Опять за деревней стоит!»
Он тут ненадолго совсем, и вот-вот
Дюралевой птицей взлетит.

Пригревшись на солнце, сверкает металл,
Слепит красотой своей.
Он в небе высоком не раз пролетал,
Под смех восхищенных детей.

Мальчишки бежали... А местный старик,
Слепой совершенно, без ног,
Лишь слушать знакомые звуки привык
И слезы сдержат вновь не смог.

Припомнилось ясно, как крепко штурвал
Сжимал в своих цепких руках.
Как «мессеры», «фоккеры» ловко сбивал,
Летая стрелой в облаках.

Как снова и снова стремился он в бой,
Мечтая взлететь еще раз.
Как снился ночами простор голубой,
Когда засыпал лишь на час.

Земля беспокойно дремала тогда,
В тот страшный решительный миг,
Когда прямо с неба сорвалась звезда,
«За Р-родину!» – вырвался крик...

«Не выживет, – тихо шептали врачи, –
Тут вряд ли уже повезет...»
Его, исчезая в бездонной ночи,
Фашистский подбил самолет...

Но то ли везение, то ли Господь,
Всему вопреки все же смог
В ту ночь роковую он смерть побороть,
Оставшись без глаз и без ног.

Все тише и тише гудит самолет,
И будто бы сердце-мотор,
Как в те времена, вновь с собою зовет
Взмыть в синий небесный простор.

Тому старику выпал сложный удел,
Немало пришлось испытать...
Но всю свою жизнь об одном он жалел:
Что больше не сможет летать...

ПОЭЗИЯ

Лариса Есина

(Краснодар)

Мечты цвета индиго

Монетой золотой упал закат
На дно Земли-копилки, где хранят
Бесценные сокровища – в века
Сложившиеся дни и блики солнца.

Земной коры керамика хрупка,
Но не разбил никто ее пока,
И не достанет ни одна рука
Монет, упавших в прорезь горизонта.

Мне не нужны богатства всех эпох.
Их с сотворенья мира копил Бог,
И капитал – хорош он или плох –
Пусть множится с расцветом эволюций.

Всего лишь день вернуть из череды,
Чтоб потушить горящие мосты,
И, встретившись глаза в глаза, простить,
И никогда уже не разминуться.

Максим Крюков. 2022 г.

ПОЭЗИЯ

Ирина Белоколот
(Донецк)

Письма назад

С хрустом порвались тонкие где-то струны.
Письма пишу в никуда, в тот далекий год,
Где не сойтись никак двум дорожкам лунным,
Где одиноко сидит на крылечке кот...
Тлеет, дымит привычная сигарета,
Слушаю ночь. Так хочется тишины.
Где? На каких тропинках подлунного света
Бродит покой несчастной моей страны?..
Вот и светает. И птицы звенят свирелью.
Письма пишу. Потерян давно адресат.
Миг обернулся кровавой и злой купелью
Нету тропинки, ведущей назад, назад...

***

Вижу цель. И не вижу препятствий.
Свет в тоннеле и жемчуг в песке...
До чего же не хочется, братцы,
Как бычок... По доске, по доске...
Вижу цель! Дайте мне хоть рогатку...
По траве, по золе, по жнивью
Я дойду. Доползу. Все в порядке...
На разрыв в небесах нам поют...
И нужна лишь одна, но победа,
И до неба, до неба, до неба...

***

Дожди омоют твоё лицо нежно,
Ты улыбнешься через плечо ясно,
Походкой легкой уйдешь в закат красный,
А ей тоска вечеров снежных,
А ей лицо твоё видеть вечно
Во всех случайных, во всех встречах...

***

Передергивание затвора
Ветер в соснах над головою
Мироздание, что так скоро?
Ты всерьез озабочилось мною?
Погуляй от весны до забора,
Постреляй в чистом поле до ветру,
До чумного вселенского моря.
Ни в одну я не верю примету,
Мироздание, я бессмертна,
Душу не продала ни разу.
Ожидание вольного ветра
От рождения до приказа.
Слезы, горечь – как искупленье,
От весны до того забора.
Есть сомнение? Нет сомненья.
Я сама сейчас щелкну затвором.

***

Скажи мне, Ангел, что мне делать с песней?..
Она живет внутри пугливой птицей,
Но иногда становится ей тесно –
И вот летит, заглядывая в лица...
Скажи мне, Ангел, как ее сберечь мне?
Как ей не дать упасть, ломая крылья?..
Да, небо глубоко и бесконечно,
Но как же сказку, Ангел, сделать былью?!..

***

Камень, ножницы, бумага...
 Мироздание играет,
 Рыцарь ты или бродяга –
 Жизнь проходит, угасает.
 Ожидаешь, догоняешь,
 Поспеваешь на маршрутку.
 Жизнь причудлива, ты знаешь?
 Восхитительна и жутка,

Только светлячок в ладони
 Освещает ночью тропку.
 В спину карк летит вороний,
 Под ногами вязко, топко.
 В темноте душа свечою –
 Вечный сталкер в зоне риска.
 Небо звездною парчою
 Наклонилось близко, близко...

***

У нее на комодке бабушкином – семь слоников,
 А на полке книжной – классиков сорок томиков.
 Тень румянца на ее щеках – не нарисована,
 И в интригах злобных она – не подкована.
 У нее на кухне пахнет пряниками и теплом,
 У нее такой уютный, маленький деревянный дом.
 По утрам она встречает с надеждою рассвет,
 Только счастья в доме пряничном нет как нет...

***

Жизнь не получится смотреть со стороны,
 Судьба раскручивает новую рулетку.
 Проспишь – и подбирай потом объедки,
 Немножко мира и – по самый гроб войны.
 Господь раскрутит развеселый шарик
 На красное... На черное... Зеро...
 До слез перемешались зло, добро.
 Глаз ожиданье – синих, черных, карих,
 Глаза с надеждою следят за колесом,
 Где скачет господин великий случай.
 Не ожидай... И зря себя не мучай,
 Твою удачу – мимо пронесло.
 Удача – женщина. И это – не случайно
 Она приходит лишь на теплый свет,
 Она обманет тех, в ком искры нет.
 Гори, живи, люби... Люби – отчаянно!..

***

Узостью наших шор
 Мы судим мир по себе.
 Кто бы куда ни шел,
 Идет – к самому себе.
 Кто бы о чем ни пел,
 Он песню свою поет.
 Судьбы нашей белый мел
 Свой собственный ад несет.
 Сумма собственной лжи
 Ноги вяжет узлом.
 Что ты ищешь, скажи?
 Вот он... Жизни излом...

***

Вселенных по соседству – перечеть
 Не хватит жизни, даже не пытайся.
 Но манит неизведанность... Признайся,
 И звезды, и драконы рядом есть.
 И в этот миг на дальнем рубеже,
 Где светит незнакомое мне солнце,
 Выглядывает в светлое оконце
 Тот незнакомец, что родной уже...

***

*Поэт – есть отражение эпохи,
Но зеркала порой бывают лишни.*

Т. Юрьевская

Мне маску снять – простого проще:
Изяны те же, что в личине.
Что может быть потери горше,
Чем мальчика терять в мужчине?..
Чем потерять себя навеки
И не найти, вернувшись к дому.
Мы – маски или человеки?
И ведь могло бы – по-другому.
Сожгу личину, не раскаюсь...
Прими как есть, какая вышла...
Разоблачаюсь... Раздеваюсь...
Прими меня такой, Всевышний...

***

Бессмертие меняю на грехи,
На поцелуи, встречи, расставанья,
На стоны, песни, краткие прощанья,
На птицами летящие стихи.
Уйти от нудных капель ожидания.
На отраженьях мутного стекла
Не прорасти ковылью у окна,
Травинкой, не дождавшейся свиданья.
По гулким улицам в родной и теплый дом
К себе вернуться – ох, порой не просто.
Но сходит одиночества короста,
Оставив в горле ночи терпкий ком...

Одиссей

Сколько лет меня по морям носило,
Сколько раз разбивал хитроумный лоб,
А глаза Калипсо – бездонно сини,
И единым оком буровит Циклоп.
Не смотри на мои поседевшие кудри,
Я сквозь годы стремился к тебе как мог.
Знаю, люди считают меня хитромудрым,
Только проклял меня какой-то бог.
Твои нежные руки растили сына,
Сохраняли престол, распускали тканье.
Я вернулся... Пускай не совсем невинным,
Но принес нерастраченным сердце свое.
Нет другой Итаки. И нет Пенелопы.
Ты – превыше богинь и родней земли.
Громовержец – тот просто украл Европу...
Обними... Прими... Я сожгу корабли.

***

Горький кофе в паузах между
Днем вчерашним и сигаретой.
Истончились мои одежды,
Но душа осталась согретой.
Догорает парус закатный
Между сумраком и покоем,
Тонкий след в незнакомое завтра –
Между льдинкой и летним зноем...

ПОЭЗИЯ

Олег Селедцов
(Краснодар)

Застеночное

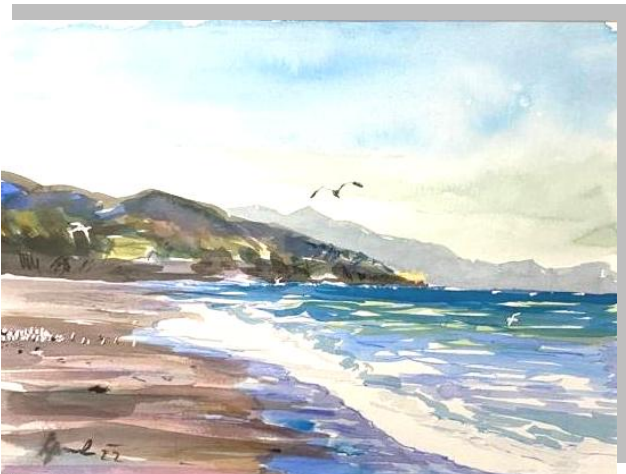
А за стенами нашими все-таки Жизнь.
Я узнал ее из окна.
Журавлиным крылом увлекается ввысь
И уже не вернется к нам.

А за стенами нашими майский мираж
Обряжает асфальт в паркет.
В путь пуститься готов под окном экипаж,
Только я потерял билет.

А за стенами нашими нищий трубач
На кларнете выводит вальс.
Это правда, любимая, только не плачь,
Этот бал проведут без нас.

А за стенами утро не ловит сорок.
Кошка учит любви котят.
На проспекте сирень распускается в срок.
Дни, как лебеди, улетят.

А за стенами нашими нет смертей!
Теленовости – ложь и тлен.
Хочешь, буду тебя я любить сильней
В небесах, там, где нету стен.

Душа

Когда-нибудь оставят нас болезни.
И сердце перестанет мучить грудь.
Свободная душа неспетой песней
Вольется в звездный дождь когда-нибудь.

И поплывет над городом знакомым
Все легче с каждым мигом, все светлей.
И станет, словно счастье, невесома,
Сливаясь в этот час с душой твоей.

По сонным паркам, площадям и скверам
Они плывут вдвоем душа к душе.
А в небе дразнит фонарем Венера,
И свет горит на нашем этаже.

Максим Крюков. Море. 2021 г.

ПОЭЗИЯ

*Лариса Прашкивская-Фелисион
(Москва)*

Из февраля

Ожидание весны, напряжение февраля!
 Как же звуки ее ясны, а синицы – как якоря,
 Что притягивают к земле сердце, душу, глаза и мысль...
 Где ж ты, девонька Жизнь-Весна? Ты скорее ко мне явись!
 Ты приди – распахну окно и впущу воробьиный свист.
 Пусть разносят цветов зерно, пробуждают зеленый лист.
 Ветер пусть облетит мой дом, солнце с неба подарит луч,
 Ста печалей тяжелый ком пусть расколется, как толщу туч.
 Пусть черемухи задымят, затуманят вокруг прудов.
 Пусть шмели пробуждают сад, поднебесный почуяв зов.
 Ожидаю тебя... Пою эту песню из февраля...
 Как же звуки твои ясны, а синицы – как якоря...

О счастье

Из поэтической перекички с Юлией Сорокиной

Ослепленная собственной нежностью,
 Оглушенная чувствами светлыми,
 Я жила лишь минутною вечностью,
 Простодушного счастья секретами.

Я жила, распадаясь на атомы,
 Не заметив утрат тех реальности.
 А очнувшись, прикрыла заплатами
 Все прорехи житейской случайности.

Вновь потом, обрастала премудростью –
 Силой каменной девы, булатами...
 В нелюбви, в ее пламенной скудности
 Я живу, распадаясь на атомы...

И минутная вечность спесивая
 Мной не тешится – нынче я вольная.
 Я живу этой волей счастливая...
 Шьет заплаты счастливая боль моя.

Рис. Л. Прашквивская-Фелисион

Горошина

Хайбун

Странный наш мир. Он похож на горошину,
зависшую в воздухе на невидимой паутинке
Горошина раскачивается ветром, ее тянет то
в одну, то в другую сторону, но паутинка не
отпускает, держит зеленую плоть зерна,
наполненную жизнью.
Голуби клюют голубое,
Снегири снежное,
Чайки отчаянное...
Делят доли долины
Ветер разносит РА.

Странная наша жизнь на этой горошине не знает своего предела. Да и можно ли постичь пределы одной вечности, когда ОДНАВЕЧНОСТЬ принадлежит не тебе? Чувствуешь, как ОДНАВЕЧНОСТЬ все сильнее и сильнее раскачивается на своих качелях?

Падает семя с травы.
Слетает с берез хрупким шорохом ветер.
Стучится бесконечное будущее.

Сегодня я допила еще одно лето. Лето – оно всегда одно. ОДНОЛЕТО наполняющее ОДНУЖИЗНЬ. Оно живет утешением на раскачивающемся ядре горошины, тяжелом ядре, набирающем амплитуду. Завтра я буду пить терпкий сок ОДНОЙОСЕНИ.

Ядра горошин
Вылутил ветер в саду.
К снегу приправой.

Стансы

Лето шипастое, розы – как цапли,
 Ветер ломает ветви и крылья.
 Грозы горячие тяжкие капли
 В землю вонзают с особым усилием.
 Льются потоки, мертвы, бездыханны.
 Слепнут глазастые узкие окна.
 Где-то мелеют без гроз океаны,
 Где-то сухие моря, словно стекла.

В нашей березовой светлой сторонке
 Крошится солнце сквозь кроны лениво.
 Где-то дымятся могилы – воронки,
 Детство в гробах сторожат бабы ивы.
 Плакать над ним и веночки лелеять,
 Ветру, сошедшему с горя с катушек.
 Нам с этим жить, жизни ветреной верить,
 Нам жизни ждать, небо встречное слушать.

Розы... Ковер лепестковый на травах,
 Вечность нетленная тлеет здесь, рядом.
 Сердце стучит. Слова пользует навык,
 Ссыплется стук колким, рубленным градом.
 Пой, коль другое тебе недоступно,
 Словом рожденная искренность-дева...
 Жизнь продвигается к жизни по трупам,
 Ей право равно тому, что и лево.

В наших мирах ограждением – веко.
 Каждому есть и у каждого будет.
 Каждому мыслей тягучие реки,
 Каждому равно – надежда на чудо.
 Делится мир, рвутся жилы и кости,
 Хрустом своим оглушая округу.
 Грозы гуляют, им равное просто...
 Грозы – смертей и рождений потуги.

Одиночество

После пройденного множества
 Дней убитых, дней потерянных,
 Дней простых и неумеренных –
 Изучаю одиночество.

После лет, прожитых намертво
 В простоте, в добра непрочности,

В глупой страсти непорочности, –
 Мое сердце будто замерло.

Расстучать бы, пока инеем
 Не покрылись руки белые.
 Растрясти, как сливу спелую,
 Как худую землю ливнями.

Но неверия заклятие,
 Опыт, что кулем волочитесь...
 Быть самой себе пророчицей–
 То еще судьбе занятие.

Вышло время полумесяцев,
 Вышли луны светом полные...
 Жизнь течет, как море волнами,
 Жизнь – дороги в небо лестница.

А теперь пуста до донышка –
 Раздала все индальгенции,
 И долги, и преференции
 До последнего до зернышка.

Думала, что будет легче мне –
 Отпустить и... к черту прошлое!
 Не плохое, не хорошее,
 То ли дар, а то ль проклятие.

Так омылась на закате я –
 Доживаю в белом саване
 Чистоты своих раскаяний
 За порочное зачатие,

За глаза свои открытые,
 За слова, что долго прятала.
 За печаль, что распечатала,
 И за душу, болью сытую.

Всем простила я, неправая...
 И неправым всем простила я...
 Это все такими силами,
 Будто Землю надкусила я.

...

После пройденного множества
 Лет прожитых мною намертво,
 Все во мне однажды замерло –
 В этом счастье одиночества.

Кто я?

Ты спросил меня, кто я...
 Но сама я не знаю.
 Я проста – непростая,
 Я земна – неземная.
 Я с волною морскою
 Бьюсь о берег скалистый.
 Я с листвою осенней
 Меж сезонов зависла.
 Ты спросил меня, кто я...
 Я – игрушка у Бога,
 Ветер чувствую волей,
 Небо горней дорогой,
 Жизнь прошедшую – болью.
 Время меряю счастьем.
 Обживалась, как в роли,
 В каждой прожитой части.
 Я спрошу себя, кто я...
 Но ответа не знаю.
 Меж землею и небом
 Я былинкой витаю.
 Между снами и явью
 Тешусь трепетом слова,
 Я любить бы хотела,
 Но она – как оковы.

Я жила этим чувством,
 Я кого-то им грела...
 И в душе стало пусто –
 Вся до тла прогорела.
 Только темень и волны,
 Хруст осеннего утра,
 Сон туманом наполнен
 И предсмертною смутой.

Ты спросил меня, зная –
 Я земна – неземная.
 Меж землею и небом
 Я былинка простая.
 Ожиданьем наполнен
 Дух мой светлый и сильный.
 Слышит горние звоны,
 Ищет истины имя.

О царском

Жил-был на кончике иголки,
 Не брит, не брют, но с ним знаком.
 Всеяшный царь всекнижной полки,
 Потертый жизнью и стихом.

Крылат, как птица буреветник,
 Он мглою бури был влеком.
 Он мглою рос – сарказма крестник,
 Но был во мгле потерт стихом.

Душою чист своею мерой,
 Скакал он на душе верхом.
 Он бил копытом в массу серой,
 Потерт в труде своим стихом.

В запевах царских необуздан,
 Торил путь в вечность корешком.
 Всеяшный царь всекнижным грузом
 Истерся вместе со стишком.

Вечерние югэн

Замерзают руки мои.
 Опутаны пальцы
 Белой лентой дороги.
 Нет у нее
 Ни конца, ни начала.

Поймать ветер
 Цикадой ночной.
 Плакать, клокотать с ним,
 Горьким чаем запивая
 Каждый звук.

Далекое смотрит
 из глаз твоих.
 Уйдем вместе
 К камышам озерным,
 К стрекозам.

Мотылек взлетел...
 Верни его, ветер,
 Завтра...

Хайбун о гирьках

Рис. Л. Прашкивская-Фелисион

Мы проживаем каждую минуту, мало осознавая, что у нее есть длительность, которую можно почувствовать. Мы не ценим, не осязаем их физически, не ощущаем ментально и даже эмоционально раздвигаем их границы, не вкушая счастье малометражной длительности.

Благословенна
Капля упавшая с туч,
Ливни ей дети.

Минута – это кадр, всего лишь кадр кинодрамы нашей жизни. Она ценна, как сама жизнь – все в мире собрано из малого, слаженного для большего. И наши жизни есть минута чего-то большего в масштабе созидательного времени. Времени, объединяющего все содеянное в один поток жизни, которое окольцует все его частицы и заставит двигаться вокруг главного Света.

Между мгновений
Слышу шуршание крыл...
Хрупки стрекозы.

Юный ставит перед собой сверхзадачи – сверхуспех, сверхбогатство. Потом его амбиции истончаются. В кровотоковом течении жизни кто-то приходит к осознанию, что мало, не есть много, но лучше мало, чем ничего. Однако, некто превзойдет все легкодоступное, осознав, что взять только себе, это и есть – ничего. Да, единственное, чего ждет от человека Вселенная, это самоотдача и помощь – Вселенная тянет к нам руки.

За лепестками
Ветер опять прилетел.
Сборщик налогов.

Деяния наши остры и прямолинейны, как бы мы ни пытались придать им кривизну, они яснее ясного, как бы мы ни стремились их завалуировать, заретушировать или спрятать. Нажитое нами содеянное остается здесь, как и мы сами. Мы все здесь будем так же невидимы, но качественны и существенны, как Создатель. Да мы уже здесь, и всегда будем здесь, мы навсегда в этом мире, потому как мы гирьки его противостояний.

Ветку склонила
Бабочки светлая тень.
Мир в ожиданье.

ПОЭЗИЯ

Юлия Сорокина

(МОССАЛИТ, Москва)

Фонарь

Просеивая снег, струится свет,
Раскачиваясь фонарем бездомным.
Мой город тонет, и спасения нет.
И ночи пасть безжалостно бездонна.

Мы в белое безмолвие летим.
И сумерек чернильных полутени,
Как призраки давно минувших зим,
Умножились в зеркальном повторенье.

И, кажется, распахнута постель,
И из снежинок безразмерный саван
Уже готовит мертвая метель.
Весь мир залит кровавыми слезами.

Но есть надежда, если в сердце Бог.
Есть теплый дом, наполненный любовью,
Хлеб на столе, и облегченья вздох,
И знак звезды над снежным изголовьем.

И есть фонарь бездомный за окном,
В последней ночи, перед Рождеством.

Ожидание чуда

Ожидание чуда потеряно.
На окне след морозного кружева.
И я снова ни в чем не уверена,
И я словно внезапно простужена.

Наугад принимаю решения,
И советы, уже бесполезные.
И надежд моих летних крушение
Отзывается в сердце болезненно.

Было праздника предвосхищение
Слишком искренно, слишком восторженно.
А теперь в ледяное забвение
Я шагами иду осторожными.

И, ошибки скрывая до времени,
Снег ложится торжественно, свадебно.
Ожидание чуда потеряно.
Обещание счастья украдено.

Медведь

Мчит скорый поезд. За окном
Мир кажется немым и странным.
Все звуки вдруг исчезли в нем,
Лишь ложечка звенит в стакане.

А за окном снега, снега,
Как меховое покрывало,
От нас скрывают берега
И темень вод под коркой талой.

Как будто ставни, на засов
Закрыли от чужого ока
Суровость хвойную лесов
И пустоту полей широких.

И где-то там, устав реветь,
Нахохлив сгорбленную спину,
Сугробом белым спит медведь,
Дыханьем согревая зиму.

Где-то там

Под низким небом февраля
 Перебираю дни, как четки.
 Устала без тепла земля.
 Размытым контуром нечетким,
 За снежной пеленой зимы
 Проспекты фонари включают.
 А где-то там, другие мы –
 Не расстаемся, не скучаем.

Снег

Кажется, что зима
 С нами всегда была.
 Прошлого закрома
 Вымела добела.

Вынула из души
 Скомканный ворох лет.
 Вволю ветрам кружить.
 Вволю глядеть на свет.

А за окном метель.
 Сколько ни три стекло –
 Зимняя акварель.
 И на душе светло.

Замер притихший лес.
 Кажется, целый век
 Сыплет на нас с небес
 Порохом белым снег.

Порох пылит вокруг,
 В твердый прессуясь лед.
 В марте он вспыхнет вдруг,
 И на реке рванет.

Чтобы весною жизнь
 Новый взяла разбег,
 Будут ветра кружить,
 Будет искриться снег.

Февраль

Скоро февраль сердитый сойдет на нет.
 Крошится коркой мерзлой под ногами.
 Только к нему привыкнешь – простыл и след.
 Он у зимы последний, короткий самый.

Ветренный, стылый – он на щеках гореть
 Будет румянцем. День прибывает светом.
 Но не отдаст ни часа в своей поре,
 Будет морозить нас ледящим ветром.

Вьюгами будет по мостовым мест
 Ветви ломать деревьев заиндевелых.
 Радостью птичьей – теплым зерном в горсти
 Сыпаться будет – канет в сугробах белых.

Сгинет февраль. А зима так вошла в азарт,
 Так разошлась, играя в студеной спеси,
 Будто забыла, следом ступает март –
 Самый холодный, снежный, весенний
 месяц.

Вот уж и стая ворон по утрам кружит.
 Солнце горит над синими небесами.
 Только февраль отчаянно ворожит –
 Он у зимы последний, короткий самый.

Город

Зимнее небо поддето
Адмиралтейства шпилем.
Давних интриг сюжеты
Стынут в балтийском штиле.

А из небес прорехи
Сыплется снег на землю.
Храмы, каналы, реки
В белом покое дремлют.

И, позабыв Растрелли,
Аничков спит и Зимний.
Город в плену метелей.
Городу снятся ливни.

Те, что сорвут покровы
Мертвого льда и стужи
И разомкнут оковы.
Город давно простужен:

С видом чопорной дамы,
В снежном чепце крахмальном,
Словно в нелепой драме,
Слег с ОРЗ банальным.

Ждет, что за птичьим клином,
Вместе с теплом весенним,
В город ворвутся ливни
И принесут спасенье!

Вороны

Весну предчувствуя, проснулось воронье.
Из старых гнезд вытряхивает мусор
И обставляет заново, со вкусом,
Насиженное летнее жилье.

Кричат вороны громко, невпопад.
Шумят весь день, до самой поздней ночи.
Вам кажется, они беду пророчат?
Они делиться радостью спешат!

Что снег сойдет, что будут лить дожди –
Настанет межсезонье, межпогодье.
Что реки разольются в половодье,
Что стаи перелетные в пути.

Что в теплых гнездах, дайте только срок,
Проклянутся пушистые комочки.
Что, разрывая плотный купол почки,
Зазеленеет за листом листок.

Что вьюги мы сумели пережить.
Что лето будет, непременно будет!
А мы не понимаем их. Мы – люди,
Бескрылые хранители души.

Букинист

Я беру, не торгуясь
Об удобной цене.
Назначайте любую –
Эта плата по мне.
Ведь мечты в переплете
Неподвластны годам.
Я за чувство полета
Все, что просят, отдам.
И, возможно, рискую
Быть обманутой, но
Я душе повинуюсь,
Ей послушна давно.
Пусть покупки случайны,
Экземпляры бэ у –
Есть в них некая тайна.
Книгу в руки беру
И душою ликую.
И издержки не в счет.
Кто-то мне, не торгуясь,
Целый мир отдает.

Весеннее

Я когда-нибудь повзрелею,
Стану дамой серьезной, важной,
Донкихотством переболею.
Я когда-нибудь стану старше.

Буду дом украшать цветами
И печалиться, под романсы.
Буду дни проводить с друзьями,
Развлекаясь двойным пасьянсом.

А пока до темна гуляю
Под холодным московским небом.
И смотрю, как март засыпает
Тихий мир серебристым снегом.

В легкой курточке и кроссовках,
По бульварам и в старых парках,
Я – живой элемент массовки.
И от солнечных мыслей жарко!

Жду весну и опять упрямо
Достаю палитру и кисти.
Не хочу быть трефовой дамой –
Ни в колоде, ни в этой жизни!

Пусть зима соберет пожитки,
Напоследок щипнув морозом,
И, плетясь по дорогам жидким,
Подчинится земным прогнозам.

И задорным весенним маршем
Затрезвонят вовсю капли!
Я когда-нибудь стану старше,
Но, надеюсь, не повзрелею.

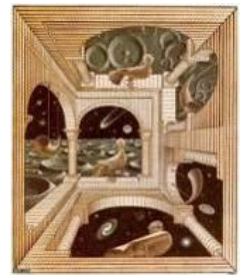

Максим Крюков. 2021 г.

ПОЭЗИЯ

Александр Чжоу
(Москва)

Ушедшим поэтам

*Какое облако над звонницейй
Невероятное парит...*

Елена Касьян

Какая ночь стоит – красавица!
Распахнут настезь небосвод!
Не умножать грехи, а каяться
Душа безмолвная зовет.

Под этой синью беспредельною,
У края многоокой тьмы
Такие суетно-бесцельные,
Такие призрачные мы.

За что, за наши ль прегрешения
Утрат не рвется череда?
И нам ли нынче в утешение
Мерцает дальняя звезда?

И суждено ль воздать сторицею
Тем, чей оборван был полет?

А где-то ангел белой птицею
Над спящей звонницейй плывет.

Памяти Виктории Бурцевой

Где земля почти не зрится,
Ты жила –
Зорькой рдеющая птица,
Два крыла.
И была не для полета
Крыльев стать,
А заботою кого-то
Укрывать.
И звучал под солнцем вешним,
Под луной
Голос трепетный, нездешний,
Неземной.

За других душа болела,
Рвалась плоть.
Ты однажды улетела.
Звал Господь.
Вьюга стонет, сердце стынет,
Путь сокрыт,
Только голос твой и ныне
Мне звучит.

***

И в декабре, и в январе,
Как в печке сдоба,
Растут сугробы во дворе,
Растут сугробы,
Так, словно кто-то, свой пирог
Присыпав пудрой,
Дары весне и лету впрок
Готовит мудро.

***

Ольге Вишняковой

В октябре, по утру, серебрится трава.
По знакомой тропинке, проснувшись едва,
Ты за тихую радостью нынче спешишь,
Что, наверно, таится в еловой глуши.
Пусть совсем недалече лихая зима,
Лес сегодня откроет свои закрома...
Но грибы не торопятся выйти из нор,
Лишь бесстрашно алеет один мухомор,
Да опят одинокие кучки стоят,
Да рядовки порой, как солдатики в ряд,
И под елью наградой за путь трудовой
Польский белый с коричневую головой.
Сквозь осиновых листьев прощальную дрожь
Полведерка назад легким шагом несешь.
Говорят, если будут корзины полны,
Значит, ждите беды, значит, ждите войны.
Но который уж год на грибы недород,
И не вспомнить теперь, а война все идет.

***

О это время непокоя,
 Когда дороги нет назад.
 В вечернем небе над рекою
 Разлит пылающий закат.
 Ночь близится неотвратимо
 В мерцанье меркнущих планет.
 Всевластье и величье Рима
 Отныне – суета сует.
 И на пороге преисподней
 Еще дано в кромешной мгле
 Быть человеком и сегодня
 На этой горестной земле.

***

Так грудь сегодня стеснена
 Вдохнуть не можешь.
 Лихие нынче времена,
 Помилуй, Боже!
 Неведанные времена –
 Ни сном, ни духом,
 А ты грызи, пока дана,
 Судьбы краюху.
 Терпи. Выносливым кажись.
 Считай утраты.
 За все траченную жизнь
 Пришла расплата.
 Пора недобрая пришла,
 Нам спины сгорбив,
 Когда потерям несть числа
 И меры скорби.
 Когда баланс делам земным
 Уже итужишь...
 Тех, чьи пути сошлись с моим,
 Помилуй, Боже!

***

Никому не сберечь
 до последних времен
 Ни великих имен,
 Ни победных знамен.
 Драгоценнее призрачной
 славы людской
 Тихий свет над рекой,
 Ив смиренный покой.
 Отраженьем небесным
 зеркальная гладь...
 И душе благодать!
 И Творцу исполать!

Послебольшничное

Шелестят мои мозги,
 Осыпаются, как листья.
 Боже правый, помоги
 Уберечь одну из истин.
 Мне недавно довелось
 Устоять почти у края.
 Жизнь размашисто, как лось,
 Без оглядки убегает.
 Не догнать ее, увы,
 Лишь рукой махнуть устало.
 Только вдруг среди травы
 Загорелся цветик алый,
 Серебристые ключи
 Нам журчат, лесные крохи,
 И гармония звучит
 В каждом шорохе и вздохе,
 И в кустах, где соловьи,
 И в небесном хороводе...
 В этом мире без любви
 Ничего не происходит.

Данилович

Бессилье и беда
По весям разлиты,
Так было и в года
Ивана Калиты.
Ослепшая слюда –
В окне сгустилась ночь,
И весть: идет Орда,
Ее не перемочь.
И стены не спасут.
За многие грехи
Настанет грозный суд.
Стенания глухи.
Катилась голова
Горда и горяча.
И мудрые слова:
Мошна сильней меча.
Свою игру затей,
И пусть не по нутру,
Ползи на животе
По ханскому ковру.
Достоинство забудь
И прикуси язык,
Разбейся, но добудь
На княжий стол ярлык.
Соперников смири:
Владимир, Тверь, Рязань.
С избытком собери
В залесских землях дань,
Хоть стон стоит и плач,
Вези ее в Сарай,
А лишнее припрячь,
Пусть крепнет отчий край.
Пусть копится добро,
Приходит ратный люд,
За княжье серебро
В запас мечи куют.

...И пел молитву хор
Пред Спасом, в полумгле,
И строили собор
Успения в Кремле.
На церкви наяву
Был Божий свет пролит,
И ехал на Москву
Служить митрополит.

Дмитрий Попов. Русская провинция. 2016 г.

И таял в сердце страх,
Средь распрей и измен,
В молитве и трудах
Вставала Русь с колен.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА – ГОЛОС ПРОШЛОГО

Петр Дубенко
(МОССАЛИТ, Самарская обл.)

ВКУС ОТРАВЛЕННЫХ ПЛОДОВ

О романе Веры Богдановой «Сезон отравленных плодов»

Подводя литературные итоги 2022 года, один из главных критиков современной России Галина Юзефович настойчиво рекомендовала обратить самое пристальное внимание на роман Веры Богдановой «Сезон отравленных плодов». Такой выбор она объяснила тем, что эта книга раскроет умному (а как же иначе) читателю главные причины, по которым с нами, как со страной и обществом, происходит то, что происходит. Эту мысль патриарха отечественной критики подтверждает и то, что издательство «АСТ» выпустило данное произведение в серии «Роман поколения».

Также надо отметить, что к началу этого года суммарные продажи книги на всех носителях превысили 20 тысяч экземпляров. По нынешним временам весьма солидный показатель. Можно сказать, что роман ушел в народ, который рассыпался в сотнях благодарных комментариев и восторженных отзывов. Но вот вопрос: насколько этот успех обусловлен качеством и содержанием самой книги, а насколько обязан грамотному пиару от редакции Елены Шубиной, в распоряжении которой имеются все возможные инструменты продвижения литературы в массы?

Например, лично у меня желание прочитать эту книгу возникло именно под воздействием рекламы и многочисленных положительных отзывов, упор в которых делался как раз на то, что

роман раскрывает проблемы поколения рожденных в 80-е. А через них и всей страны, в которой это самое поколение сейчас выходит на главные роли. А вот к написанию рецензии подвигло категорическое несовпадение ожиданий и реального содержания.

Сюжет

Итак, в центре повествования три главных героя, чье взросление и становление как личностей пришлось на переломный момент в истории страны. Все трое имеют отношение к большой московской семье из «профессорского» круга. Это девочка Женя, ее двоюродный брат Илья и его младшая сестра от одной матери, но разных отцов – Даша. Все они знакомятся в начале 90-х, в результате чего между Ильей и Женей завязывается дружба, в которой не находится места для Даши. Позднее дружба между двоюродным братом и сестрой перерастает в симпатию, а потом и в любовь. При этом Даша тоже влюбляется – в Женю, как и положено в русле современного мейнстрима. И конечно, не надо быть Нострадамусом, чтобы понять – все трое будут невообразимо страдать от начала книги и до самого конца.

Сюжетно можно разделить книгу на две примерно равные части. В первой, она составляет примерно 40 % от объема текста, освещено становление дружбы, а потом зарождение и развитие любви. И это самая интересная часть, ибо следующие две трети романа посвящены страданиям влюбленных, которых разлучили бессердечные взрослые, описаниям их скучной жизни, серость которой разбавляют алкоголь, извращенный секс и семейное насилие во всех его проявлениях: как физическое, так и психологическое.

Как итог: все несчастны, все страдают. Женя литрами потребляет спиртное и терпит отношения с абьюзером; Илья покорно тянет ляжку опостылевшей семейной жизни и тихо поедает сам себя, ибо не соответствует своим же представлениям о том, каким должен быть настоящий мужик; Даша, не добившись от Жени лесбийской любви, страдает от семейного насилия в первом браке, а после развода выбирает в сожители буйного алкоголика и садиста.

Причины всех несчастий

Почему же так печально сложилась жизнь героев? На этот главный вопрос произведения автор дает четкий и однозначный ответ: во всем виновато старшее поколение, которое навязывает детям свои поведенческие стереотипы.

Так, причина всех несчастий Жени – самовлюбленный тиран отец, который всячески унижает дочь, развивая в ней комплекс неполноценности. Его дополняет мать, которая терпит все выходки супруга и тем самым подает дочери пример: так и должно быть в нормальной семье. Добавком идет бабушка, которая проповедует тот же принцип: «стерпится-слюбится», и дедушка, который к началу повествования уже умер и о нем известно только то, что он «в семье лупил всех подряд».

Источник бед Ильи – завышенные требования, которые к нему предъявляют мать и другая родня. И если он почему-то не хочет или не может им соответствовать, его в эти придуманные рамки заталкивают силой. Для Даши главным примером тоже становится мать, которая ведет беспутный образ жизни, беспорядочно вступает во все возможные половые связи, а если и находит себе постоянного партнера, то обязательно выбирает асоциальных типов со склонностью к алкоголизму и рукоприкладству. Поэтому нет ничего удивительного в том, что дочка в итоге идет по тому же пути.

Усугубляет все это окружающий мир, который сплошь составляют мрази, подонки, орки, нелюди. Seriously, среди родни героев и в их социальной среде за весь роман даже мимоходом не промелькнет хотя бы один достойный персонаж. Да ладно достойный – хотя бы просто нормальный. Да чего уж, пусть хотя бы спорный. Хотя бы человек, в котором плохое соседствует с хорошим, низменное борется с высоким. Но даже таким неоднозначным персонажам в романе Веры Богдановой нет места. Такое впечатление, что она прошлась по российскому обществу с литературным пылесосом и втянула в свою книгу всю грязь и мерзость окружающего мира. А потом вытряхнула содержимое фильтра на стерильную салфетку и заявила: дамы и господа, перед вами потрет поколения.

Поколение протестует

В связи с этим возникает закономерный вопрос: а насколько правдив мир романа? насколько он отражает реальность? Да, жизнь его героев, безусловно, надломлена и несчастна. Но можно ли так смело экстраполировать их пример на все поколение и больше того – на страну? Мне кажется, лучше всего на этот вопрос ответит статистика. Давайте посмотрим на судьбу каждого из центральных персонажей книги с точки зрения сухих цифр, ибо они бесстрастны и не станут врать исходя из конъюнктуры.

Итак, Женя – нелюбимая дочь отца-тирана, который затюкал ее до такой степени, что она просто не может принять себя и быть счастливой. Есть ли среди нас такие люди? Конечно. Проблемы отцов и детей никто не отменял. Однако, согласно статистике, 81 % современных россиян испытывает к своим родителям чувство благодарности. Среди причин такого отношения чаще всего называют: любовь и дружба, правильное воспитание, возможность развития, хорошее образование и профессия. При этом еще 17 % говорят о теплых, но нейтральных отношениях. И только 2 % готовы предъявить родителям претензии за плохое отношение и неправильное поведение в детстве.

Другое исследование показывает тоже интересные результаты. 86 % российских родителей позволяют детям самостоятельно выбирать жизненный путь. 10 % считают, что мамы и папы, как более опытные люди, должны подсказывать детям и направлять их. И только 4 % отстаивают свое право жестко контролировать выбор детей.

Что еще интересно отметить в этом плане? Большинство людей признаются, что с возрастом меняют отношение к родителям. Если то, что во всех их бедах виноваты именно взрослые родственники, считают почти 40 % молодежи до 20 лет, то уже среди 30-летних этот показатель снижается до 22 %. И только 7 % людей старше 40 склонны обвинять во всех своих бедах родителей. Тенденция «поумнения» налицо, и как тут не вспомнить классическое изречение Черчилля: «Если ты в молодости не был революционером – у тебя нет души; если же ты к старости не стал консерватором, то у тебя нет мозгов». Если слегка перефразировать эту мудрую мысль, то вполне можно применить ее к результатам статистики и жизни главной героини: если в юности ты считал, что родители твои главные враги и они виноваты во всем, это нормально. Если ты продолжаешь так считать к 40, у тебя нет мозгов.

А что же второй персонаж – Илья, который не счастлив в семье? Мы уже выяснили, что он тоже винит в этом родителей и близкое окружение. Но насколько вообще характерно душевное состояние этого героя для современных молодых россиян? Та же статистика говорит, что 46 % семейных пар считают свой брак счастливым, и еще 41 % – счастливым, но не вполне. 10 % утверждают, что живут в «нормальном» браке, которому до счастливого все же чего-то не хватает. И только 3 % признались, что брак – это худшее, что случилось с ними в жизни.

Такая же картина рисуется и в отношении Даши – жертвы семейного насилия. Не утомляя цифрами, можно сказать, что подобные ситуации характерны только для 2 % из 17 миллионов российских семей.

Как видим, все герои Веры Богдановой попали в прослойку, близкую к статистической погрешности. И здесь нужно оговориться, что это ни в коем случае не повод закрывать глаза и утверждать, что подобных проблем в нашем обществе вообще не существует. Семейное насилие, психологическое подавление детей родителями, несчастные семьи и количество разводов – все это, безусловно, требует пристального внимания общественности и узких специалистов. Но, повторю вопрос, заданный в начале: а можно ли переносить проблемы 2-3 % на все поколение?

Авторы это знают

Таким образом, поколение середины 80-х при всех его проблемах не состоит исключительно из таких персонажей как:

Женя – депрессивная алкоголичка, прозябающая в отношениях с абьюзерами;

Даша – распутная мать-одиночка, прожигающая жизнь в беспорядочных половых связях с алкоголиками и садистами;

Илья – пассивный мужчина, терпящий несчастливый брак только потому, что так надо.

И становится совершенно ясно, что «Сезон отравленных плодов» не затрагивает «поколенческих» вопросов. И тут интересно отметить, что эту особенность прекрасно понимают как сам автор романа, так и те, кто занимается его целенаправленным продвижением в массы.

Вот, например, сама Г. Юзефович говорит по этому поводу, что «герои растут нелюбимыми детьми в непростых семьях, в которых из поколения в поколение транслируются одни и те же травмы и одни и те же ошибки». И в рамках одной конкретной семьи, описанной в книге, с этим трудно не согласиться. Ведь Женя и Даша в своем поведении полностью повторяют матерей, а Илья выбирает в жены женщину, которая ведет себя точно так же, как его мать. То есть поколение 80-х полностью повторяет поколение 60-х. А можно вспомнить представителей еще более раннего поколения семьи: бабушку с ее «терпи-прощай» и дедушку, который присутствует в романе на уровне воспоминаний о том, как он всех лупил. И тогда становится очевидным, что модель семейного насилия у них передается по наследству. А раз так, то книга воспроизводит реальность, где никаких существенных отличий между поколениями просто нет. Женя, Илья, Даша ведут себя точно так же, как вели себя их отцы, дедушки и прадедушки. А вот конкретно-историческая основа у их поведения полностью отсутствует.

Понимает это и сама Вера Богданова. На мой взгляд, она прекрасно сознает, что рассказала историю одной неблагополучной семьи на фоне очень сложной исторической эпохи. Именно поэтому она так настойчиво пристегивает к повествованию столь знаковые события-маркеры той эпохи: развал СССР, путч ГКЧП, расстрел парламента, чеченская война и связанные с этим теракты. И не просто пристегивает, а пытается именно всем происходящим объяснить, оправдать жизненные проблемы героев.

Эту мысль подтверждает и главный апологет романа Г. Юзефович. «Сегодня мы предпочитаем не думать о времени, когда утонула подлодка “Курск”, когда взрывались дома в Москве и других городах, когда произошел захват “Норд-Оста” и многие другие события, определившие дальнейшую российскую историю, – говорит она в своей рецензии. – Богданова показывает, как все эти события предопределяют то, что происходит с нами сегодня».

И на первый взгляд этому нечего возразить. В романе действительно красной нитью проходит упоминание о знаковых событиях эпохи, без сомнения, повлиявших на российское общество и определивших дальнейший ход развития страны. Но если посмотреть внимательней, то мы обнаружим, что непосредственно героев и их жизни все это вовсе не касается. Да, их несчастная любовь и поломанные судьбы развиваются на фоне исторических событий, но все рассуждения, переживания персонажей по этому поводу сводятся в один абзац на сорока страницах и выглядят примерно так: «О боже, боевики захватили Театральный центр на Дубровке! А в Беслане целую школу! Сколько детей погибло! Ужас какой! Как страшно жить, что же нас ждет? Да, точно, что нас ждет, как вечер проведем? Бухать будем или извращенным сексом займемся?» И после этого о терактах и войне забывают на ближайшие полсотни страниц, чтобы потом еще раз вспомнить в единственном абзаце и в фальшивом трагизме заломить руки.

И уж простите, но тем более смешно выглядит попытка автора увязать с терактами душевные терзания Жени. Она считает интимную связь с двоюродным братом неправильной, греховной (ведь именно так утверждают родители и другие родственники из старшего поколения) и потому рождает целую теорию, согласно которой война, взрывы, многочисленные смерти – это все из-за нее. По мнению Жени, таким образом бог, судьба или какая-то иная сила, которая в тексте часто называется «структурой», наказывает ее за неправильные поступки. Разрушая целую страну, убивая сотни людей, никак не связанных с Женей, при этом саму ее никак не затрагивая. Мягко говоря, странная теория, в которой причинно-следственная связь между поступком и наказанием отсутствует как таковая. Что, впрочем, не мешает автору развивать эту философию на протяжении всего романа и даже построить на ней финал.

В нем Илья и Женя воссоединяются после долгих страданий и совершенно случайно не садятся в заминированный автобус, чудом избегая смерти. Обалдев от такого поворота, та самая коварная структура, что прежде не позволяла героям быть вместе, с вопросом «А что так можно было?» тут же исчезает. Просто рассыпается в куски, признавая свое бессилие перед всепобеждающей любовью. А поколение 80-х тем самым сбросило оковы предрассудков, навязанных им ненавистным старшим поколением, и вместе с героями устремилось вперед – к счастливому будущему. Символично. Но неубедительно. Потому что я так и не нашел в тексте объяснений, как же события конца 90-х и начала нулевых повлияли на судьбы людей, родившихся в середине восьмидесятых. Исторический антураж того времени в книге служит исключительно фоном, на котором развиваются большие отношения героев, и ничем больше. Если осторожно изъять все упоминания о путче, расстреле парламента в октябре 1993 года, войне в Чечне и страшных терактах, действительно всколыхнувших всю страну, то в романе не изменится ничего. Он просто похудеет на десяток страниц. И всё. А герои как страдали, так и продолжат страдать, копошась в разведенной ими же грязи и стеная о том, что во всем виноват кто угодно, но только не они сами.

Итак, вывод. Роман Веры Богдановой «Сезон отравленных плодов» – это ни в коем случае не роман о поколении. В книге объемом в 352 страницы автор так и не даст вразумительный ответ, почему же его сверстники стали именно такими. Вместо этого получилась очередная чернушная история несчастной любви и большой семьи, внутри которой царит не совсем здоровая атмосфера. А попытка перенести личные трагедии отдельных персонажей на всю страну оказалась неудачной, неубедительной. Ибо все признаки непростой эпохи грубо пришиты к рассказанной истории белыми нитками толщиной с канат.

ПРОЗА

Екатерина Овсянникова
(Санкт-Петербург)

УА

Татьяне Николаевне Лонли было тридцать два, когда она впервые познакомилась с Уа. Встречу их нельзя было назвать чем-то необычным: на улице кричали дети, свистели гудки от машин, ветер подхватывал тополиный пух и забрасывал в открытые окна. Люди в белом постоянно что-то говорили, обменивались гремющими фразами и блестящими предметами.

– Какой горластый! – сказала женщина в голубоватом чепчике, подойдя к Татьяне Николаевне. – Уже придумали имя?

Татьяна Николаевна молча и рассеянно улыбнулась. Тихо все было для нее кругом, лишь слышалось, как издали, становясь все ближе и ближе к ней, раздавались крики Уа. Когда она коснулась его руками, Уа замолчал.

– Привет, – еле слышно протянула Татьяна Николаевна, улыбаясь.

Уа не ответил и даже слегка отвернулся, смутившись взглядом ее распахнутых во всю силу глаз.

– Ну, и как мне тебя называть? – так же тихо спросила Татьяна Николаевна и неожиданно вздрогнула от резко распахнувшегося кривого окна.

– Уа! Уа! Уа! – внезапно закричал Уа свое имя.

Его голос, громкий и неповторимый, заставил Татьяну Николаевну снова куда-то пропасть. Только оказавшись дома, она вырвалась в реальность и приступила к уборке. В мусорное ведро нещадно летело и бежало все: дешевая косметика, коробки из-под съеденных конфет, пустые флаконы из-под духов, лепестки опавших, давно сгнивших роз, фотографии – особенно фотографии. Половина из них стерлась, размешалась в бумажные щепки, другая половина этих частей продолжила рваться на маленькие пазлы, лишь только вновь оказывалась в руках хозяйки.

Жених Татьяны Николаевны, военный, недавно вышедший в отставку, оставил ее в пустом городе в тот же день, когда она, полная счастья, сообщила о неожиданном даре, которым их вознаградила судьба. Он был человеком несемейным, всегда жил один по гарнизонам, детей не любил и порой даже избегал, и только одна судьба знала, почему Татьяна Николаевна выбрала себе такого человека. За семью месяцами их встреч, за брошенной еще до этого карьерой врача-сурдолога, вслед за остальными вещами, в мусорном ведре оказался весь смысл существования Татьяны Николаевны. Она думала и думала об этом, пока не слышались крики Уа.

Татьяна Николаевна тут же оказалась рядом с ним. Слезы ее неожиданно упали на Уа и растворились, будто их и не бывало вовсе. Уа вдруг прекратил кричать и – о да, она была полностью уверена в этом – заулыбался.

И тогда Татьяна Николаевна ощутила, что с приходом Уа вернулась и ее жизнь. И жизнь эта нашлась в самом Уа. Каждую ночь Татьяна Николаевна отзывалась на его зов – напоминание о себе, о своем имени на случай, если она вдруг забыла его. На руках у нее Уа уже привычно притихал, и она, точно в блаженном бреду, шептала:

– Не бойся... Ты со мной.

Число бессонных счастливых ночей увеличивалось, и вскоре Уа уже не так легко помещался на руках Татьяны Николаевны. А когда количество ночей с первой их встречи перевалило за год, он уже сам добровольно поднимался с кровати и бежал на кухню. Татьяна Николаевна с улыбкой – для Уа она всегда все делала с улыбкой – кормила его с ложки малиновым пюре, которое он никогда не мог доест, затем помогала спуститься со стульчика и вела в комнату – играть с погремушкой.

Еще через год ночей начала подавать ему толстые, но веселые книжечки с картинками и с упоением наблюдала, как Уа учится произносить разные звуки. С каждым днем он говорил все больше и больше, что иногда выматывало Татьяну Николаевну, однако в основном приносило лишь радость. В детский сад она его не отдала – испугалась. Однако, лишь только минул шестой год ночей, пора было определиться с местом учебы.

В школе Уа ненавидели. Татьяна Николаевна это чувствовала. Впрочем, такое обращение было вполне объяснимо: в школе всегда не любят тех, кто отличается от других. А Уа был особенным. Она это знала и была уверена в этом. Умненьким, хорошо и правильно воспитанным, пусть и горластым – когда надо и не надо, особенно в школьном хоре. А как же он любил растягивать гласные на высоких нотах... Талант его не был оценен одноклассниками, Уа постоянно доставалось от них по ушам после уроков. Не раз Татьяне Николаевне приходилось защищать его перед детьми. Не раз приходилось выяснять отношения с родителями этих детей и учителями. Сама она нашла работу на дому и занималась делами, пока Уа был на занятиях, да и то только затем, чтобы прокормить семью.

– Не ходи больше в школу просить за меня, – говорил Уа во время обеда. – Меня все в классе считают трусом...

– Они не должны так с тобой поступать, – отвечала Татьяна Николаевна, подавая ему на десерт малиновое пюре, и все равно продолжала ходить и просить, ходить и выяснять отношения.

С бесконечным количеством оскорблений и унижений, с тысячью дней выступлений в хоре и минутой славы после уроков, с хорошими и нехорошими оценками, Уа все-таки окончил школу. Поступил в мединститут, и то не потому, что так хотел, а потому что Татьяна Николаевна настояла. Она, наверное, и не догадывалась, что Уа вообще не знал, чего хотел. Единственным его любимым занятием, по мере того как он рос, осталось пение да чтение той самой толстой, но веселой книжечки звуков, когда он в очередной раз мог произнести, протянуть слог по-иному.

Как вдруг – в жизни всегда так некстати появляется это «как вдруг» – Уа ощутил, что больше не любит только звуки и только слоги.

Он познакомился с ней случайно – в парке, напротив высокого здания, из которого постоянно доносился детский крик. И начал Уа постепенно все больше и больше пропадать из дома, все дольше и дольше задерживаться на учебе.

Татьяне Николаевне это не нравилось. Она давно почувствовала что-то неладное с Уа, да только никак не могла понять, что именно с ним происходит. И вот однажды решилась на серьезный разговор.

Она приготовила обед, как обычно, убралась в доме, несколько раз протерла стол. Послышался звонок в дверь. Татьяна Николаевна бросилась открывать и обескураженно

замерла. Рядом с Уа стояла невысокая блондинка с какими-то странными, чересчур длинными ушами. Увидев ее, Татьяна Николаевна всплеснула руками и только и смогла выдать: «Ах!».

– Это Марина, – сказал Уа, пропуская Ах на кухню. – Мы хотим снять квартиру в центре и пожить вместе. Может, к зиме поженимся.

Уа посмотрел на Татьяну Николаевну и понял, что впервые в жизни по-настоящему испугался. Глаза Татьяны Николаевны больше не были привычно голубыми, они окрасились в ядерно-красный, в цвет того самого малинового пюре, которое он всегда не доедал до конца. Во время обеда, пока Уа и Ах рассказывали о себе и своих планах, она не смогла выдать ни звука.

– Милый, покажешь мне вашу квартиру? – попросила Ах, заправив пряди волос за свои длинные уши.

Уа тут же поднялся и оставил Татьяну Николаевну одну на кухне – думать и думать, размышлять и размышлять.

Татьяна Николаевна не верила. Не верила, что Уа, ее Уа, хочет уйти. Еще и к этой бесцеремонной Ах. Лишь только та покинула их квартиру, Татьяна Николаевна долго и строго – как никогда – заговорила с Уа.

– Забудь о ней. Разве ты не видишь, какая она на самом деле?

– Но... – протянул Уа, но не успел договорить.

– Ты никуда не переедешь, – заявила Татьяна Николаевна. – Твой дом здесь, со мной. Разве ты забыл?

Уа молчал. Даже ни разу не посмотрел на Татьяну Николаевну. Тогда она вздохнула и, вставая и слегка прихрамывая, сама не зная от чего, прижала Уа к себе. Уа молчал, и молчание это, упорное и оглушительное, затаилось в квартире до самой ночи.

Татьяна Николаевна неожиданно проснулась почти под утро: послышался резкий хлопок двери. Она проверила несколько раз замки, но все было в порядке. Хотела побежать в комнату к Уа – не случилось ли с ним чего. Да только не успела: испугалась скрежета резко распахнувшегося кривого окна и свернула на кухню.

Навстречу восходящему солнцу, держась за руки с бесцеремонной Ах, бежал счастливый, раскрывшийся этому миру Уа, с небольшим рюкзаком вещей, но с огромным чувством наполненности внутри. От него доносились уже другие звуки, совсем не похожие на те, что он читал в толстой, но веселой книжечке.

Татьяна Николаевна не выдержала и закричала на всю улицу:

– Уа! Вернись! Уа!

Но Уа не слышал ее. Минуту спустя пропали и он, и Ах, и громкие, преисполненные всей жизнью крики Татьяны Николаевны. А к утру, оставив измученное неутешным горем тело, ушла и сама жизнь.

ПРОЗА

Максим Заикин

(Новокуйбышевск, Самарская обл.)

ЗЕЛЕНЬ ШЕЕЛЕ

– Догоняй! – поднимаясь вверх по деревянным ступеням, кричал старшему брату Антуан, прижимая к себе заштопанного плюшевого мишку. – Я наверху!

Топот башмачков гулко отдавался в засыпающем доме. Розовощекий мальчуган, постоянно оглядываясь, летел по второму этажу, пока не почувствовал жесткий толчок в грудь. Его остановила огромная ладонь. От страха перед грядущим наказанием стало жечь в горле. Так же сильно, как когда на белую ладошку по неосторожности капнул раскаленный воск. В маленьком черепе ребенка мелькнула мысль: «Игра закончилась».

– Сюда нельзя. – В дверном проеме комнаты, куда забежал Антуан, стоял отец. – Филипп, срочно заведи брата! Филипп! – С каждым звуком голос звучал все раздраженнее. От этого большие кривые ноздри снизу казались еще уродливее, особенно когда они вздымались при вздохе и будто показывали все нутро головы.

Тяжелый бас эхом отразился от зеленых стен кабинета. Впервые за те недолгие пять лет жизни случилось две невыносимые вещи: Антуан нарушил запрет – не подниматься на второй этаж, и оказался так близко к бабушке. Его пошитый не по размеру камзол ярко-зеленого цвета контрастировал с мертвенно-бледным лицом в язвах. Узкие губы будто и не пытались скрыть покосившийся забор желтых, вечно выпирающих наружу зубов. Антуан поморщился, это зрелище напомнило ему полусгнившую голову-тыкву у пугала. Руки отца были зачем-то замотаны тканью, а весь кабинет усеян книгами.

Тонкие, в дешевом переплете журналы валялись на полках, свисали со стола или же, порванные в гневе, лежали на полу, как листва в осеннем парке. Только библия в идеальном состоянии, ровно, до зубного скрежета, покоилась посередине стола, открытая на странице с повестью об Иове.

На маленького Антуана сверху, медленно повернувшись, уставилось лицо, с серебряным пенсне на переносице. Ребенок неохотно посмотрел отцу в глаза. В стеклах очков отразилось пламя газовой горелки. Мальчику показалось, что отец стал похож на монстра из сказки, которую рассказывала няня. Рука с пятнышком ожога разжала старого медведя, и Антуан рванул к лестнице на первый этаж.

* * *

Чувство испуга, которое следовало за этим сном вот уже двадцать лет, заставляло взрослого Антуана в который раз вскочить и машинально шарить в поисках ручки портфеля.

Срочно вызванный в семейное поместье из Парижа, он не останавливался на ночлег и потому проводил все время в карете. В полученном письме почти ничего не было указано, лишь что с отцом случилась беда и требуется помощь. Антуан не мог успокоить свои мысли.

Одно только умиротворяло его в пути: перебирание снова и снова сумки фармацевта. Звон склянок и шорох мешочков помогали собрать мысли, отвлекали от неизвестности и неприятных воспоминаний. Иногда пальцы касались пристегнутой к стенке портфеля колбочки морфина и ненадолго зависали над ней в нерешительности. Но пока что правило «Нельзя!», вколоченное дома и в университете, брало верх даже в ситуациях острого желания найти уже забытое спокойствие в дозе лекарства.

– Прибыли, месье! – прохрипел шершаво кучер.

В этот раз голос старого извозчика прозвучал беспокойнее, чем обычно. Непропорционально маленькая голова втянулась в провонявшую лошадыми куртку так, чтобы были видны только сросшиеся седые брови. Выйдя из кареты, Антуан сразу ощутил знакомое чувство беспомощности. Захотелось зарыться, как возникший, в пальто, якобы из-за холода. Пытаясь справиться со страхом, он мысленно показал кулак черным глазницам окон поместья, но лишь поймал на себе безразличный взгляд замка. Вспомнился сегодняшней сон и то, как он с братом провел здесь все детство. Антуан еле слышно выругался: «Merde!».

У двери неподвижно стоял старый дворецкий, который мог делать только две вещи: фальшиво улыбаться уголками рта и открывать дверь. Больше ни для чего он был не пригоден. За столько лет службы в поместье его уже просто невозможно уволить. Он стал предметом интерьера – так же пропах пылью и застыл.

Дверь жалобно скрипнула и показала холл дома. Внутри уже ожидала мать в траурной одежде, за вуалью поблескивали слезы на красных кругах под глазами. Как только Антуан вошел в дверь, матушка тут же попыталась приподняться, но ослабевшие тонкие руки, дрожа, обмякли и не дали нужную опору телу. Матушка снова рухнула в кресло. Молодой фармацевт поставил портфель и встал на колени около женщины. Ее ладони, некогда самые нежные и теплые, плавно опустились на запястья Антуана и чуть заметно сжались.

– Твой отец умер из-за болезни несколько недель назад. – Ее пальцы похолодели и стали нервно мять руки сына, то расстегивая, то застегивая пуговицы на рукавах. – Он до последнего дня не пускал никого в кабинет. А Филипп и после смерти отца строго выполняет приказ – охраняет зеленую комнату. Отца закопал сам, но я видела лишь закрытый гроб, не больше, – придвинувшись к уху сына, перешла на шепот мать. – Я боюсь здесь оставаться, вечерами они вдвоем будто ходят по второму этажу. – Матушка смотрела широко открытыми заплаканными глазами.

Антуан провел ладонью по ее холодным рукам и обнял мать. Она что-то тихо шептала про себя. Еще долго Антуан успокаивал ее. Позднее в честь приезда младшего сына за ужином зажгли свечи, которые после ухода отца считались предметом роскоши. Одна из них в подсвечнике надломилась, но все равно горела.

Недостаток свечей и наступающая ночь вынудили жильцов разбрестись по своим комнатам. Гостевая, где разместили Антуана, приветливо встретила периной и зеленой софой рядом с ней. После давящей тесноты кареты, ужасных октябрьских дорог, в которых то и дело вяз дилижанс, встретить уютную кровать было сродни тому, что испытывали больные чесоткой после мазей Антуана. Фармацевт с удовольствием зарылся поглубже в одеяла, как бы прячась от ужасной поездки, дрянных новостей и вновь осточертевшего всего за несколько часов поместья. Руки обняли подушку и прижали ее к носу, чтобы дать почувствовать первый и единственный приятный за сегодня запах. Свежие простыни пахли лавандовым мылом. Антуан уснул сразу. Усталость поборола тревогу и дурные предчувствия.

Наутро разразился дождь, ледяные капли барабанили по карнизу. Матушка сидела у камина и пыталась вязать. Большие спицы вырывались и падали, каждый раз вынуждая заново считать петли. Матушка все время проговаривала счет вслух, чтобы не забыть, но в конце

концов она роняла вязание и все начиналось заново. Из своего портфеля Антуан достал бумагу, чернила и перо, чтобы положить на столик около матушки, но не нашел свободного места. Все занимали склянки разной формы и цвета. От каких-то пахло мятой и пустырником, от других душицей и зверобоем, и они по-настоящему воняли, похлеще, чем в аптекарской лавке Антуана. Он стал сдвигать бутылки, чтобы положить лист, но его прервала матушка, которая притянула к себе сына, чтобы он расслышал:

– Он закрылся где-то у винтовой лестницы в правом крыле. Может быть, он в библиотеке... Может, это проклятие? – пробормотала мать.

– Милая матушка, – с поклоном начал Антуан. – В нашем веке не существует никаких проклятий.

– Твой отец не первый в нашем роду глава семьи, который умирает в этом поместье, не дожив до сорока.

Антуан прихватил портфель и направился к скрипучей лестнице на второй этаж. Чем старше он становился, тем страшнее и загадочнее делалась эта часть дома. Каждый день жизни здесь его пугали наказаниями за нарушение своеобразного Рубикона, но теперь нужно было сделать шаг. От затылка до поясницы побежали мурашки.

Шаг – и скрипнула старая французская сосна. Еще шаг – и в голове эхом раздался сюжет из сна. Так проскрипели еще четырнадцать ступеней. Поднявшись наверх, Антуан увидел обнаглевшую от вседозволенности мышь. Она сидела на ковре и осторожно зализывала язвы на зеленом маленьком теле. В нос ударил знакомый запах чеснока и миазмов. Пройдя вперед до двери кабинета, Антуан замер на секунду, но открыл дверь. Вонь шла отсюда. Видимо, тело убрали не сразу, и запах разложения пропитал мебель, которая вся была зеленой: комод, стол, чернильницы, и даже перья для письма были выкрашены в «зеленый Шееле». Только огромное красное пятно на обоях над рабочим столом отца вырывалось из ансамбля зеленого ужаса.

Все полки с книгами были пусты, только кипа счетов, запачканная кровью, покоилась на столе. Под стулом лежал пистоль, вокруг валялись мухи и крысы, которые как грызли деревянный стол, так и сдохли с раздутыми тушками на месте последнего пира.

Там же был клочок вымоченной в чем-то зеленой ткани, который сильнее всего прочего пах чесноком. Но Антуан наконец узнал этот запах, он принадлежал лечебному, как еще недавно считалось, снадобью – мышьяку. Предполагалось, что это одно из самых лучших лекарств практически от всех болезней и не только. В промышленности его тоже часто применяли.

– Краска состоит из мышьяка, поэтому здесь столько мертвых крыс, – пробурчал Антуан и привычным движением провел рукой по застежкам рюкзака.

Фармацевт нырнул в портфель и вынул колбу с пинцетом, на конце которого была промасленная тряпка. Умелым движением он поджег ее и поднес к ткани, та загорелась ярко-синим. «Точно мышьяк», – подумал Антуан, затушил бумажку и рванул в сторону правого крыла.

Вдруг где-то лязгнул металл, и сквозь холодный полумрак раздалось бурчание. Антуан открыл дверь и оказался в спасительном свете свечей. Но как только глаза привыкли к освещению, сразу же стал виден хаос разбросанных книг, зеленых вещей и каких-то объедков. Среди этого сидел Филипп и, раскачиваясь из стороны в сторону, талдычил что-то про проклятие гниющему на полу отцу. Он так и не похоронил его.

– Брат! Я нашел зацепку. Это мышьяк... – затухающим голосом проговорил Антуан.

Филипп что-то крутил в рукаве. Как вдруг по-звериному зыркнул стеклянными глазами в сторону двери. На его лице не осталось волос: брови, ресницы и шевелюра были съедены ядом.

Московский BAZAR № 1 (44) 2023

– Пока ты ездил по странам и тратил деньги семьи, отец заставлял меня искать книгу, непонятно даже зачем. Лишь под конец своей жизни он рассказал о проклятии всех мужчин нашего рода. – Филипп задрал рукава балахона, оголилась гниющая кожа. Из-за стянутой от язв кожи на щеках его рот, казалось, улыбался. – Точно такие же следы были у отца. Но я нашел книгу, я излечу наш род от проклятия. Все, что нужно – это принести в жертву мертвому отцу здорового сына.

Под светом свечей мелькнул нож и гниющее лицо Филиппа, в глазах которого мелькнул отблеск огня от газовой горелки.

Максим Крюков. 2022 г.

ПРОЗА

Ольга Грушевская

(МОССАЛИТ, Москва)

СМОТРИ, КАКИЕ ОБЛАКА!

*...Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой
Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог – и начисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной –
Вам, познавшему Лилит!*

М. Цветаева. Попытка ревности

– Смотри, какие облака!

Викентий смотрел на небо. Небо было голубым, по-весеннему нежным, словно умытым душистым мылом. Белые акварельные облачка плыли робко, будто смущались, и напоминали пушистые перышки, разлетевшиеся по ветру из перины, взбиваемой кем-то на небесных этажах. Облака то слипались, то разлипались, то играючи подныривали друг под друга, мимоходом образуя то рожицу, то кошку – кто что увидит, но заранее предугадать, что облака через секунду вытворят и в какую фигуру сгруппируются, ни за что не получалось.

Викентий смотрел на небо как замороженный. В тот день небесный художник солировал, а разыгравшийся ветерок ему подыгрывал – каждую минуту воздушная кисть рождала что-то новое, и в этой небесной лазури все было Викентию любо и душе созвучно, чего нельзя было сказать про то, что творилось чуточку ниже – в обыденности.

Галя, пролетевшая вперед по инерции, досадливо оглянулась: «Да что же это такое?!» – и глянула на часы: время стремительно близилось к полудню.

– Викентий! – крикнула она в нетерпении.

Викентий значился ее мужем. Поженились они год назад, но все еще чувствовали себя молодоженами. Викентию было чуть больше пятидесяти, а Галине – чуть меньше. У них образовался союз среднего возраста, когда еще не хотелось коротать вечера в одиночестве, а хотелось коротать вечера с кем-то вдвоем. К моменту стремительного и законного бракосочетания оба пришли в растерянном состоянии. И не просто в растерянном, а...

– Мы опаздываем!

Галя замужем никогда не была. В жизни ей несколько раз делали предложение, но до загса дело не доходило, а потом уже, после тридцати пяти, гражданские сожители все больше норовили угнездиться на всем готовом, посчитав, что незачем что-то менять в совместном существовании, когда и так все прекрасно складывается.

Галина поглядывала на замужних подруг с завистью и недоумевала, что с ней не так. Но потом появился Викентий, неторопливый и застенчивый, и недоумения ее рассеялись. Без сомнений, он сразу понял, какое перед ним сокровище – домовитое, разумное, ласковое, и – в этом Галя была уверена – решил добычу из рук не выпускать, а поскорее

жениться, чтобы их завтрашний день не представлялся безнадежным и бесформенным. Галина не сомневалась, что у них с Викентием много общего, например имена, ныне редкие, почти старомодные, а еще – усталость от одиночества, и потом, оба по утрам любили яичницу. Вот она и согласилась на замужество.

Викентий, в отличие от Галины, был женат дважды. От короткого первого брака ничего не осталось – ни сожаления, ни воспоминания; а от второго десятилетнего брака осталась острая боль, которую он тщательно от всех утаивал. Но иногда, очнувшись посреди ночи от непокойного сна, он пытался припомнить, когда же и почему в его жизни с бывшей женой пошло все не так, но ничего припомнить не удавалось и он засыпал снова. Во сне Викентий видел черную трещину, похожую на обгоревшую костлявую руку; трещина росла и ширилась по потрескавшейся ссохшейся земле, а они с женой стояли по разные стороны зияющей пропасти и судорожно цеплялись друг за друга, как утопающие, – сначала за краешек одежды, потом за пуговку, потом за прилипший волосок, но все оказывалось тщетно и вот они, все еще протягивая друг к другу руки, уже летели в зловещий разлом, как раненые ангелы... На этом месте Галя его будила.

– Викентий!

Викентий переживал разрыв мучительно. По утрам на пути от метро до редакции, где он трудился последние пять лет в отделе по работе с авторами, его одновременно и грела, и страшила мысль о том, что он мог случайно встретиться с бывшей женой: дом, где она жила, находился как раз по пути на его службу. Он стал предусмотрительно обходить стороной старое жилище, закладывая даже лишних десять минут на дорогу, чтобы не поддаваться слабости и честно следовать их общему решению: не звонить, не писать, не пересекаться ни по какому поводу, чтобы поскорей излечиться от воспоминаний. Через год они с бывшей женой окончательно затерялись в пространстве. И ему стало легче. А вскоре появилась и Галочка, фигуристая, шустрая, с бумагами, которые однажды привезла для публикации, и в конце дня лукаво попросила Викентия проводить до автобуса. И стало еще легче. А потом Галочка осталась у Викентия в его старенькой, доставшейся от бабушки квартире, в той самой, которую он некогда сдавал, когда жил у бывшей жены, и в которую переехал сразу после развода. И ему стало еще легче. И все же время от времени...

– Викентий!

Галя была разумной. Про бывшую не расспрашивала, как рассудительная женщина, решила: зачем себе нервы трепать, ревновать к вчерашнему, а потому просто закрыла дверь в свое и его прошлое и все начала заново. Все фотографии, связанные с прежней жизнью Викентия, усилием воли – даже ни разу не сунув в них нос хотя бы из любопытства – строго велела «молодому» мужу удалить из телефона и компьютера. Правда, Викентий зачем-то схитрил, файлы заархивировал и скинул на жесткий диск, а диск сунул в книжный шкаф, за томики Чехова. Делал он это с большим раздражением на самого себя, объяснения своему поступку не находил и от этого чувствовал себя виноватым. Но когда Гали дома не было...

– Викентий!

Галя вздохнула. За год их совместной жизни она изо всех сил старалась привыкнуть к причудам мужа. Викентий оказался «другим», и не только потому что оценил Галочку по достоинству, нет, он в принципе отличался от окружающих. Все у него было не как у всех: походка – размашистая, но неловкая, будто у маршировавшего на плацу новобранца; взгляд внимательный, но застенчивый, будто подглядывал; а в его образ мыслей Галя вообще не любила вникать, как и во все, чего не понимала или не могла объяснить исходя из целесообразности.

– Какая же ты, Галочка, коротенькая!

Галя была коротенькой. Так думал Викентий. Но имел в виду вовсе не Галочкин маленький рост, а ее коротенькие, перпендикулярные мысли. Как удлинить их или запараллелить, он не знал, да и лень было задумываться.

И хоть у Гали, как считал Викентий, мысли и были махонькими, но вот глаза у нее все больше от удивления ширились. Даже взять эти чертовы облака, от которых и вовсе проку не было. Если бы спросили ее, Галю, что она об этом думает, то, конечно, чтобы не показаться уж совсем приземленной, она припомнила бы кое-что из школьного учебника: «облака – как белые ромашки». Или барашки? «Ромашковые облака», или вот, красиво: «ромашек белых облака». Впрочем, какая разница! Когда всем нормальным людям дружно виделась ромашка (вот лепестки, вот пушистая сердцевинка, а вот и стебелек наплывает), то Викентий сердился и отходил от всех в сторону: сама мысль, что в уникальном природном орнаменте можно усмотреть нечто заурядное, казалась ему невыносимой. Сам он различал вовсе иное и неожиданное, где вместо, например, сердцевинки цветка проявлялся закрученный хвост омерзительного хамелеона с цепкими лапками, где вместо лепестков – выпученные глаза, а вместо стебелька – выброшенный в сторону жертвы язык. Вот и весь разговор – страх да и только. Тут и Галочка начинала в ответ сердиться, кричала Викентию слова обидные, ядовитые, но потом спохватывалась, бросалась к нему на колени и тараторила: «Ну прости, прости! Но согласишься, что все же ромашка лучше гадкого хамелеона, его даже в природе не разглядишь, а уж на небе только ты его и различаешь. А ромашка безобидная, на ней и погадать приятно – любит, не любит... Вот ты любишь меня? Ведь любишь?» – «Да-да», – смущенно и торопливо соглашался Викентий, аккуратно высвобождаясь из Галиных душных объятий. Его тяготило чувство...

– Викентий, опаздываем!

Викентий любил созерцать. Рано утром, лежа в кровати, стоящей напротив старомодного окна с облупившейся краской на рамах, подперев рукой голову, он задумчиво смотрел на фиолетовый небосвод, с каждой минутой все более светлеющий, наблюдая с особым

вниманием и даже придирчивостью непредсказуемые цветовые переливы и облачные движения. Чернильный цвет ночи медленно растворялся и становился розовым. В этом всеобщем небесно-кучевом движении он усматривал нечто вечное, фатальное – то, что не зависело от чьей-либо воли или желания. В ограниченном прямоугольнике окна, который являл собой лишь деталь разворачивающейся за окном масштабной картины, Викентий каждый раз изыскивал для себя что-то диковинное, будто делал открытие, по своей значимости граничащее с чем-то первозданным, почти интимным. Ему думалось, что где-то там, в этом калейдоскопном мире, запрятаны ключи от галереи замкнутых дверей, за которыми таились его мечты, надежды и планы, и двери эти скоро откроются. И погружался Викентий в это коловращение, тонул в нем, как герой Стругацких в «Солярисе», с легкостью материализуя для самого себя самые невероятные внепланетарные образы, среди которых временами маячил призрачный образ его бывшей жены, и отчего-то она была с крыльями.

Хуже было, если шли дожди, тогда окно превращалось в выцветшую мутную завесу, намеренно скрывающую небесную закулису с ее облачными интригами и рокировками; не радовало Викентия и чистое лазоревое небо – без облачка, без какого-либо развития. Последнее, правда, случалось редко, но все равно – что серый, что голубой цвет своей обманчивой чистотой и однообразием навевал на Викентия лишь скуку. Именно в такие паузы, когда облачный театр за окном не приковывал его внимания, он начинал отчетливо слышать тяжелое дыхание спящей под боком Галочки, и дыхание это рождало в нем досадливое чувство дисгармонии. Вот если бы...

– Викентий!

Галя за Викентием подсматривала. Например, вдруг ночью проснувшись, обнаруживала, что муж глазеет в немывтое окно и чем-то там любит. «Ой, – думала Галочка, – интересно, а бывшая тоже за ним подглядывала? Или они вместе в небо таращились?» Ей бы хотелось, чтобы Викентий спал по ночам, как обычные граждане, пусть даже и с глазами открытыми – говорят, так случается. Но Викентий не спал. И тогда Галина, притворяясь спящей и даже чуток для верности подхрапывая, тайком за ним следила, все больше убеждаясь, что «молодой» муж – со странностями, которые, положив руку на сердце, начинали донимать ее. Но знакомый страх остаться в одиночестве заставлял терпеть его чудачества. Именно этот страх, прищипанный эгоизмом, а вовсе не любовь к Викентию, распял в Галине еще и жгучую ревность. Она ревновала, когда ловила на нем взгляды одиноких дамочек, или когда сам Викентий вдруг деревенел, уставившись на мелькнувшую в толпе незнакомую женщину, будто она ему кого-то напомнила. Все это Галину беспокоило, ведь *ревнивец всегда видит больше, чем ищет*, но, если где-то она и подмечала большее, то за окном ранним утром ничего не видела, а потому, убедившись, что ревность ее беспочвенна, вскоре и правда начинала посапывать, а Викентий тем временем...

– Всё, Викентий, сил больше нет!

– Какая же ты, Галочка, жадная! Не даешь даже минуты, чтоб насладиться такой роскошью. Ты сама на облака взгляни!

Галя взглянула на Викентия. Что-то в эту минуту в его голосе послышалось незнакомое; не то чтобы слова прозвучали старомодные или в них срывался обидный упрек, скорее ее удивила интонация, в которой сквозила неведомая ей трепетность, смешанная с обнаженной печалью. «Что это с ним?» – нахмурилась Галя, ей почудилось, но лишь на секундочку, что и взгляд у мужа чужой, бархатный, а сам Викентий – не Викентий, а вовсе посторонний мужчина, который вот-вот испарится, как облако, так и не став ее собственностью. Но потом, слава богу,

ощущение растаяло – тьфу, прошло! – и Галя решила, что просто нервничает и все ей только кажется, но на всякий случай подошла к нему и цепко ухватила под руку.

– Ну Викентий...

– Что же ты, Галя, все торопишься!

Галя и правда торопилась – она опаздывала на собеседование. Еще неделю назад Викентий сообщил за ужином, что в его отделе освободилось место младшего редактора и главный ищет человека на эту вакансию. Галя тут же смекнула, что это прекрасный и, похоже, единственный шанс сменить утомительную работу диспетчера в агентстве недвижимости на что-то более «творческое», а главное, поближе к Викентию. Нельзя сказать, что у Галины был опыт в этой области, но когда-то она работала секретарем у разных начальников, а потому научилась всякому. Викентий сначала засомневался в ее способностях, но Галочка тут же прыгнула к нему на колени и затараторила: «Пожалуйста, пожалуйста, пусть главный назначит мне собеседование, я ему понравлюсь, и мы с тобой будем вместе ездить на работу, с работы, я буду повсюду кормить тебя бутербродами, ну пожалуйста, пожалуйста!» – «Да-да», – вновь смущенно и торопливо согласился Викентий и вновь аккуратно высвободился из Галочкиных объятий, а на следующий день покорно рекомендовал главному «молодую» жену как хорошего и надежного работника.

И теперь они спешили на встречу.

Вернее, спешила и волновалась Галочка, даже путь от метро до редакции выбрала по карте наикратчайший, хотя Викентий почему-то возражал и сердито настаивал на привычном ему круглом пути к офису, а доводы при этом приводил неубедительные, но потом, конечно, сердиться устал и прекратил настаивать.

– Смотри, какие...

– Красивые, – сказала Галочка, чтобы хоть что-то сказать и, смирившись, тоже задрала голову и посмотрела туда, куда воззрился Викентий, но никаких замысловатых фигур не заметила, зато заметила на шестом этаже семиэтажного дома моющую окна женщину, немолодую, но ловкую. Та стояла одной ногой на стремянке, а другой, босой, – на подоконнике. Отчего-то сердце у Галины екнуло, и она ревниво покосилась на Викентия, но на этот раз ничего особенного в нем не обнаружила. В этом она была уверена. Почти уверена. Впрочем, совсем не уверена.

– Видишь? – Викентий указал пальцем куда-то чуть выше семиэтажного дома.

– Вижу.

– Что видишь?

– Тетку, – честно призналась Галочка.

– Какую тетку? – удивился Викентий.

– Ну не тетку, женщину! Какая разница?

– Какая ж это женщина? Это не женщина.

Галя оторвала взгляд от мойщицы на шестом этаже и устало уставилась на облака. До них ли ей сейчас было дело! А Викентию дело было.

– Нет, это не женщина, Галочка.

– Не тетка и не женщина? А что?

– Думаю, ангел, Галочка...

– А ты не думай, Викентий!

«Совсем сбрендил, – решила Галина, не на шутку обеспокоенная, – а может, и заболел, раз ему уже ангелы видятся. Надо записать его к доктору».

– Крылья видишь?

Московский BAZAR № 1 (44) 2023

Галя нахмурилась, напряглась и изо всех сил попыталась хоть что-то высмотреть в расплывающихся перистых клочках, но ни крыльев, ни хамелеонов, ни ромашек и тем более ангелов так и не высмотрела.

– Не вижу.

– Смотри, сейчас полетит!

Галя оторопело опять уставилась на женщину, а та уже наполовину вылезла за окно, усердно протирая его внешнюю сторону.

«Еще не хватало, действительно полетит, – испугалась Галина, – разобьется, покалечится, будет стонать, в глаза заглядывать, моля о помощи, и нам придется вызывать скорую, и тогда я точно не попаду на собеседование». И она энергично потянула Викентия за рукав.

– Пошли скорей!

Но Викентий стоял как вкопанный. Ах, если бы только знала Галочка, каких усилий ему стоило как истукану стоять и как дураку таращиться в облака, чтобы ничем не выдать овладевшего его душой смятения от внезапно возникшей перед ним картины. Так и стоял бы, и смотрел бы, пока...

– Викентий! Да что с тобой?

Галя уже приготовилась крикнуть что-то незабываемо обидное, но Викентий, все еще боясь шелохнуться и обнаружить замешательство, пояснил:

– Ангелам необходимо летать, им для этого крылья выданы. – И вдруг он решительно поднял руку и помахал. Наверное, ангелу. И даже крикнул детским голосом, незнакомым Гале, но должно быть знакомым этому ангелу: – Прощай! – А потом наконец выдохнул, опустил голову и сказал: – Пошли.

Моющая окна женщина неожиданно оглянулась в их сторону, то ли услышав снизу чей-то возглас, то ли чтобы удержать равновесие, и тоже в ответ будто «Прощай!» крикнула, хотя, скорее всего, это птица что-то пропела, но ни Викентий, ни тем более «молодая» жена уже ничего не расслышали – спешили на Галино собеседование.

***

На обратной дороге, после успешной встречи с главным редактором, Галочка думала: «Жизнь прекрасна! – она наконец расслабилась и, предвкушая новую жизнь, со смехом теперь вспоминала недавнюю проволочку. – Хорошо, что Викентий не такой как все! Думала, на бабу в окне пялился, а он боялся, что я провалю собеседование и, видать, так сильно боялся, что опять в облака уставился. Какая я же глупая! И вместе с тем... что же в небе он вечно выискивает?»

Викентий шагал рядом и тоже вспоминал остановку по пути в редакцию, но смешно ему не было. «Жизнь нечаянна, – размышлял он, испытывая забытое чувство приятной легкости. – Хорошо, что Галя такая непроницательная и не узнала в окне мою бывшую. Что ж, мой ангел, лети куда тебе захочется! Весь мир без меня у тебя впереди! И вместе с тем... зачем Галочка за мной подсматривает?»

От слепящего весеннего солнца Викентий зажмурился и увидел, как парящие в воздухе мужчина и женщина из его сновидения медленно расцепили руки и поплыли в разные стороны.

Женщина-ангел устало слезла с подоконника и долго смотрела вслед исчезающему Викентию. Потом оценивающе взглянула на свои чистые окна – в блестящем стекле, полном веселых зайчиков, с зеркальной точностью отражались и кружили белые перышки – и, расправив за спиной мятые крылья, улыбнулась:

– Смотри, какие облака!

ПРОЗА

Мари Веглинская

(МОССАЛИТ, Москва)

КРЕЩЕНИЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВОМ

Дело наметили на четверг. Сливы уже созрели, все знали, что в пятницу приедут на выходные взрослые и соберут, так что ждать не имело смысла. В своей деревне решили не рисковать, а в соседней, которая находилась в трех километрах за лесом, у Семёныча росла шикарная сортовая слива. Юлька участвовать не хотела, ей это казалось чем-то нехорошим – лазить в чужой сад, но мальчишки посмотрели на нее с презрением и она согласилась. Дружить одной девочке с мальчишками всегда трудно, назовут трусихой и больше не возьмут с собой, а с девочками Юльке было скучно.

Встретились затемно за деревней. Должен был прийти новенький мальчик, Егор, его родители недавно купили дом, и это должно было стать его боевым крещением, но он почему-то все не шел и не шел. Пашка из последнего дома нервничал, то и дело вытаскивал телефон и смотрел на часы, но звонить не стал.

– Ладно, – сказал он, – не будем его ждать, наверное, не смог.

Юлька уловила в его голосе досаду, она давно поняла, что Пашка хочет дружить с этим новым мальчиком, хотя Юльке Егор показался каким-то заносчивым. И она даже образовалась, что они пойдут впятером, но на всякий случай предложила:

– Может, все же еще подождем?

– Нет, – злобно отрезал Пашка.

Стараясь не шуметь, ребята короткими перебежками, чтобы никто не заметил, как партизаны, вышли за деревню. Впереди шел Пашка, за ним братья Никита и Илюшка, потом Шурик из соседнего дома – его бабушка и дед дружили с Юлькиными, поэтому он часто бывал у нее. Юлька была замыкающей. Ей все время казалось, что сзади кто-то идет, что вот сейчас их поймут, и всё поймут, и будет невыносимо стыдно. Она то и дело останавливалась и оборачивалась.

– Ты чего там? – негромко окликнул Шурик. – Не отставай.

По дороге обсуждали, как забраться в сад, не привлекая внимания. Братья предложили перепрыгнуть через забор, но Пашка деловито оборвал их:

– Нельзя! Надо чтобы никто из соседних домов не увидел. А то сразу позвонят Семёнычу.

В результате решили вырвать одну штакетину из забора со стороны леса и потихоньку пробраться в сад.

Когда добрались до сливового сада, уже стемнело, но фонарики включать не стали, чтобы не попасться. Тихо-тихо, стараясь не шуметь, полупригнувшись, прокрались к забору.

Еще с обеда небо стали затягивать тучи. Медленно и неотвратимо они надвигались с запада и к вечеру плотно заволокли все небо. Ветер усиливался, его холодные порывы становились все мощнее и чаще. Юльке представлялось, что это дикий зверь набрасывается на деревья, срывает листья и с треском ломает ветки, а потом разбрасывает по всей округе.

Словно пытаюсь защититься от этой неистовой и злобной силы, деревья отчаянно шумели кронами и клонились к земле. И вот где-то далеко прозвучал первый, пока еще слабый раскат грома. Юлька вздрогнула и замерла, тревожно вглядываясь в темноту, туда, откуда шла гроза.

– Не бойсь! – крикнул Шурик. – Это даже хорошо. Семёныч теперь точно из дома не выйдет.

Шурка говорил уверенно и спокойно, и Юлька ему поверила, ее как-то даже отпустило.

Забор у Семёныча был добротным и высоким, он его недавно отремонтировал. Штакетина упорно не хотела поддаваться, намертво прикрученная шурупом к перекладине.

– Надо было инструмент взять! – досадливо проворчал Илюша. Он был самый сильный, но даже ему проклятая доска оказалась не под силу.

Юлька обрадовалась – может, все же ничего не получится и они пойдут домой? Но вдруг раздался страшный треск и доска сломалась. Ребята замерли, прислушиваясь, не выйдет ли на шум Семёныч. Окна в доме горели желтым тусклым светом, иногда вспыхивая синими огнями, – значит Семеныч смотрел телевизор и вряд ли что услышал.

– Уф! Наконец-то! – облегченно вздохнул Илюша. Именно ему и поддалась непокорная доска.

Лаз оказался узким и неудобным, но ломать вторую доску не решились, и так шуму наделали немало. С трудом протиснувшись сквозь дыру, вся гоп-компания наконец пробралась в сад.

Сливы этим летом вызрели на удивление вкусные. Юлька ела и не могла наесться. Крупные и сочные, они мялись в руках и медовым нектаром стекали по подбородку. Руки у Юльки сделались липкими и сладкими. Впервые с момента всей этой истории девочка почувствовала себя немного спокойнее, хотя тревога и какое-то гаденькое чувство все равно не отпускали.

Никита забрался на дерево и скидывал оттуда крупные и зрелые плоды, а ребята их внизу подбирали. Наевшись досыта, принялись рассовывать сливы по карманам. Шурик снял куртку, соорудил из нее что-то вроде авоськи и складывал сливы туда. Хозяйственный Илюша прихватил вместительный пакет. Животы уже были полны слив, все емкости забиты, но азарт не отпускал, хотелось все больше и больше, и ребята жадно хватили с земли рассыпанные вокруг сливы, хотя класть уже было некуда. Как сказала бы Юлькина бабушка, вошли в раж. У Юльки в кармане тоже лежал небольшой пакет, она все время помнила о нем, но почему-то никак не решалась достать, словно ей что-то мешало. Молнии сверкали все ярче и ближе. Словно вспышки фотоаппарата, они выхватывали на мгновение фигуры мальчишек, подбирающих с земли сливы, и сидящего среди густых ветвей Никиты и снова погружали все в густую липкую тьму.

И вдруг ярко вспыхнул свет и в дверном проеме, буквально в ста метрах от ребят, появился силуэт Семёныча с ружьем в руках.

– Кто здесь еще? – сердито крикнул он, вглядываясь в темноту. – А ну отсюда, а то сейчас как пальну!

Никита ловко спрыгнул с дерева, мальчишки бросились врассыпную и с разбега один за другим перемахнули через забор. Только глухими шлепками посыпались из шуриковой авоськи на землю сливы. Юлька тоже побежала, попыталась, как ребята, перелезть через забор, но не смогла и в панике застыла, схватившись за шершавые некрашенные доски.

– Давай быстрее! – крикнул Шурик и исчез в темноте по другую сторону забора. А Юлька осталась в саду. Она села на корточки, боясь, что Семеныч ее увидит, и тихо позвала:

– Ребята!

Но ей никто не ответил.

Тем временем, Семёныч постоял и ушел в дом. Юлька поняла это, потому что свет исчез и стало совсем ничего не видно. Только молнии иногда вспышками рвали темноту, и тогда на мгновение перед Юлькой появлялся забор, за которым она видела только высокую, уже подсыхающую августовскую траву.

Стараясь идти как можно тише, Юлька нашла в заборе лаз, через который они сюда попали, и наконец оказалась на свободе. Ее обступил непроницаемый мрак, и стало невыносимо страшно. До своей деревни нужно идти три километра, два из которых через лес, а в лес Юлька боялась ходить одна даже днем. Она побежала, еще надеясь, что мальчишки ждут ее где-нибудь рядом, спрятавшись за деревьями.

– Ребята! Ребята! Ребята! – Гулкое эхо в помощь Юльке летело по лесу, но никто ей не отвечал. И тут девочка с ужасом поняла, что мальчишки убежали, а она осталась совсем одна.

Тем временем пошел дождь, который быстро усиливался и наконец превратился в ливень, и темнота вокруг Юльки наполнилась шумом льющей с неба воды, нескончаемым и тревожным. Не понимая, что делать, девочка села на корточки, обхватила колени и заревела. Сейчас плакать было не стыдно, потому что рядом никого не было. Мысль о том, что ей придется одной идти через ночной лес, была невыносима. Теперь Юлька уже дрожала и от холода, и от страха. Она насквозь промокла, платице и кофточка прилипли к телу, в сапогах хлюпало, а по лицу текла вода, она уже не понимала, что это, дождь или слезы. Юлькой овладело отчаяние, такое глубокое, что вдруг захотелось исчезнуть, слиться с этой ночью и раствориться в ней навсегда. Сколько она так просидела, Юлька не знала. Наконец, наревевшись и окончательно продрогнув, она решила, что сидеть и плакать бессмысленно, надо что-то предпринять, поэтому она сейчас встанет и пойдет, как бы страшно ей ни было. Просто потому, что другого выхода нет.

Это было первое осознанное решение в жизни одиннадцатилетней девочки. Еще не зная о том, что этот день станет поворотным в ее жизни, точкой отсчета, крещением предательством, она встала и пошла. С этого момента и всю дальнейшую жизнь Юлька будет рассчитывать только на себя и в самые отчаянные моменты жизни вспоминать эту ночную дорогу через лес и грозу, через страх и отчаяние и никогда не сдаваться.

Сначала она хотела бежать, но потом поняла, что так будет страшнее и опаснее. И Юлька пошла, быстро, глядя исключительно под ноги. Лес шумел, скрипел, иногда где-то совсем рядом вдруг ломалась ветка, и девочка, сжимаясь от страха, ускорялась. Тогда сердце в груди колотилось особенно часто и громко. Ей все время казалось, что из-за деревьев на нее смотрят страшные существа с горящими зелеными глазами, что вот сейчас выбегут на дорогу кабаны, или выскочит леший, или кикимора схватит за руку. Ужас наполнял все ее маленькое существо, но она упорно шла дальше, отчаянно сжимая кулачки.

Когда вспыхивали молнии, Юлька на мгновение видела раскисшую, залитую водой дорогу, рваные нити дождя и черную стену леса. Временами дорога спускалась в низину, тогда она попадала в лужи и ноги вязли в мягкой противной жиже, потом снова выбиралась и шагала дальше. Все эти спуски и подъемы она знала наизусть, но сейчас совершенно запуталась и уже не могла определить, где находится. Внезапно она оступилась и упала в грязь, больно ударившись коленками. Снова захотелось плакать, но она сдержалась. Потому что должна быть сильной, а сильные не плачут.

Юлька остановилась и подставила ладони под ливень, чтобы дождевые потоки смыли грязь. И вдруг ей показалось, что она идет не туда, что случайно где-то свернула в сторону и теперь движется не в том направлении, и что же теперь делать, непонятно. Ее охватила паника. Теперь она совершенно не понимала, где находится и в какой стороне деревня. Гроза постепенно ушла, молнии больше не сверкали, лишь где-то вдалеке еще гремело, но вспышек

света уже не было, и теперь девочку окружал плотный мрак. Юлька остановилась и замерла, вглядываясь в темноту. Постепенно мрак стал не таким плотным, он словно слегка рассеялся, перед ней лежала все та же дорога, темные стволы деревьев и кустарник вдоль обочины. Она по-прежнему не понимала, где она и в какую сторону нужно двигаться.

Девочка замерла и прислушалась: вдруг из деревни долетит какой-нибудь звук, который поможет ей определить, в каком направлении идти, но слышала только шелест бьющих о листья капель. И вдруг она поймала себя на мысли, что ей больше не страшно. Это было странное и удивительное чувство, ее уже не пугали ни кабаны, ни лешие, и даже если бы в это мгновение в чаще она увидела кого-то, кто смотрел на нее горящими зелеными глазами, Юлька совсем не оробела бы, а может быть, даже вежливо поздоровалась. И тогда она приняла важное решение – идти вперед, по прямой, а там будь что будет.

Дорога стала скользкой и топкой, дождь все лил и лил, и на девочке не осталось ни одной сухой ниточки, но главное – не было страха. Юлька его победила.

Дорога круто повернула, это могло означать, что лес скоро закончится и появится поле, а за ним и деревня. Юлька ускорила и лишь невероятным усилием воли удержалась от соблазна побежать. Она уже привыкла к темноте, да и дождь потихоньку стихал, и где-то там, впереди, где каждый вечер солнце опускалось за лес, появилось слабое розовое сияние.

И вот наконец девочка увидела свет. Это был первый фонарь в деревне, как раз напротив Пашкиного дома. В тонкой вуали дождя он светился размытым блеклым светом и показался девочке висящей на ниточке звездой. И вот тогда она побежала. Пробежала не останавливаясь через всю деревню, мимо горящих окон в Пашкином доме, мимо колодезного журавля, мимо волейбольной площадки, которую сделали для детей родители, мимо Илюшиного с Никитой палисадника, и, наконец, оказалась около дома. Влетев через калитку, Юлька бросилась к дому. Дверь на крыльце была приоткрыта, через нее сочился яркий желтый свет, и на пороге появилась сердитая бабушка.

– Юлька! – крикнула она грозно, но, увидев промокшую и несчастную девочку, бабушка всплеснула руками: – Юлька, где ж ты пропадала?! Подожди, стой, ты же насквозь промокла, скорее раздевайся!

Бабушка убежала в дом, а Юлька попыталась снять кофту, но озябшие мокрые пальцы не слушались и она никак не могла расстегнуть пуговицы. Бабушка быстро вернулась с большим полотенцем, стянула с Юльки сапоги, кофту, платье, трусики, а потом вдруг взяла стоящее рядом ведро воды и вылила на Юльку.

– Ай! – Девочка подпрыгнула, а бабушка рассмеялась, дала тапочки, завернула в полотенце и повела в дом.

– Ничего, будешь здоровее!

Дома было тепло и уютно. Бабушка посадила Юльку на кровать и принесла байковую ночнушку с длинными рукавами.

– Надевай, это еще твоей мамы. – Бабушка повязала Юльке платок, уложила и накрыла одеялом.

В мягком пуховом облаке было тепло, но Юлька никак не могла согреться и все дрожала. Тогда бабушка принесла чашку горячего молока с медом. Молоко с медом Юлька ненавидела, но сейчас оно показалось ей самым вкусным напитком в мире. Наконец она согрелась и закрыла глаза. Весь этот страшный день с постыдным воровством слив в чужом саду, с предательством друзей, дождем, отчаянием и бесконечной дорогой страха и в конце победой над ним остался позади.

Бабушка выключила свет и поцеловала Юльку. Но девочка уже ничего не чувствовала – она крепко спала.

ПРОЗА*Сергей Гамаюнов**(с. Александровское,**Ставропольский край)***ПО УЛИЦАМ ДЕТСТВА**

У сельского жителя летом выходных не бывает: один летний день десять зимних прокормит. Тем не менее решил я сделать небольшой перерыв в работе по дому и прогуляться ранним утром по памятным с детства местам, пока жаркое степное солнце не разлило над селом свою тягучую испепеляющую плазму. Прогулка всегда помогала мне собраться с мыслями, а поразмыслить повод появился: на чердаке ветхого сарая, который я подверг безжалостному сносу, обнаружился достаточно хорошо сохранившийся, правда запачканный чернилами, коричневый ученический портфель. Точно с таким я когда-то сам ходил в школу...

Для творческого человека бывает достаточно одной интересной детали, чтобы активизировались дремавшие подспудно мысли и идеи!

Решено – сделано! Доехал на своем автомобиле до родительского дома на улице Красноармейской. Внешне он мало изменился за прошедшие после смерти родителей годы. Теперь здесь живут чужие, сторонние люди...

Оставляю автомобиль там и дальше иду пешком. Неспешно и раздумчиво шагаю по родной улице. Смотрю, вспоминаю, сравниваю. Некоторые дома преобразились, обзавелись пластиковыми окнами, красивыми воротами и заборами. Некоторые, наоборот, вросли в землю, стали ниже, обветшали. Вдоль домов яркая примета юга – плодовые деревья: орехи, абрикосы, вишни, алыча.

Сначала иду на восток, к зданию, где раньше была начальная школа, в которой прошли первые четыре года ученичества. Это недалеко, метров триста. Теперь в здании свадебный (хорошо, что не ритуальный) салон.

Возвращаюсь обратно, улыбаясь нахлынувшему воспоминаниям.

На запад, через десяток домов от бывшего родительского дома, перекресток с улицей Учительской, по которой раньше мы всегда ходили на автовокзал, на рынок, на почту...

Улица, как и много лет назад, занесена песком, но облик ее изменился: не стало выложенных из камня заборов, саманных построек, многие дома приобрели современный внешний вид. Неожиданно испортилось настроение от густого запаха птичьего помета, исходящего со двора второго от угла улицы дома, в котором когда-то проживала семья пожилой семейной пары учителей Пажитневых. Если не ошибаюсь, Пажитнева Елена Георгиевна была первым послевоенным директором нашей Александровской средней школы № 2. Ее муж, тоже в прошлом учитель, в моей памяти остался инвалидом-колясочником, в любую погоду сидевшим или стоявшим с тростью у ворот дома и раскланивавшимся со всеми прохожими. Мы, дети шестидесятых, даже не сомневались, что улица названа Учительской именно потому, что на ней жили эти уважаемые люди.

Да, вместо объявления о продаже цыплят, на доме Пажитневых более уместной была бы мемориальная памятная табличка...

Там, где улица Учительская почти упирается в здание автовокзала, чудом обнаружился сохранившийся узкий переулок с грязным ручейком, ведущий к трибунам стадиона и на улицу Первомайскую. По этому топкому, заросшему камышом переулку мы в детстве пробирались в заброшенный колхозный сад, а позднее на возведенный на месте сада стадион. Переулок не обманул и привел именно туда. Но какими они стали низкорослыми, эти когда-то казавшиеся неприступными каменные стены трибун стадиона! Обветшали, камень стал ноздреватым под воздействием стихий, выкрошился.

Я обошел стадион по всему периметру от трибун по улице Спортивной, затем по Олимпийской и Леонова на Первомайскую. По Леонова я ходил в школу, в центр села, на танцплощадку Дворца культуры, и на улицу Первомайскую к друзьям и подружкам. На Леонова жила моя первая учительница – Надежда Михайловна Балановская. Спустя почти шестьдесят лет хорошо помню ее лицо, грудной голос, полноватую фигуру. Она была нам второй матерью. Доброй, внимательной, все видящей и понимающей, строгой, когда это было к месту...

Через несколько домов от дома Надежды Михайловны жил замечательный учитель Борис Петрович Завязкин, бывший моим классным руководителем с пятого по восьмой класс. Участник Великой Отечественной войны, орденоседец. Преподавал в школе географию. Рассказывал интересно, увлекательно, переплетая географию с историей. Его уроки не пропускал никто, даже записные двоечники. Он всегда улыбался тепло и отечески. И даже журил за провинности с улыбкой. Мне припомнился день 27 марта 1968 года, когда по улицам проползла черной змеей трагическая весть о том, что в авиационной катастрофе погиб первый космонавт Земли – Юрий Алексеевич Гагарин. Мы с уличными мальчишками как раз тогда находились у водопроводной колонки, что стояла рядом с родительским домом. Учились во вторую смену, поэтому было время пошалить, побегать, побрызгаться водой, радуясь теплоту весеннему солнышку. Вдруг из дома напротив на улицу с причитаниями выбежала известная излишне длинным языком тетка Надька Зозулиха. Она-то и поведала всей улице якобы услышанную по радио весть о смерти Гагарина. Не зря у многих народов бытовал обычай предавать смерти гонца, принесшего дурную весть: мы тогда всем миром чуть было не прибили Зозулиху за то печальное известие. Но, к сожалению, в тот раз она не соврала...

А в школе Борис Петрович, собрав всех мальчишек в классе, сказал только одну фразу:

– Будьте мужчинами, парни.

И в этот раз он не улыбался.

Да, одна улица – целая история жизни...

Знает ли нынешнее молодое поколение эту историю? Помнят ли эту историю мои ровесники? И здесь, на этой улице, родились такие строки:

Шагал по улицам поэт,
и, как бывает у поэтов,
был чуден мир, и розов свет,
и абрикосом пахло лето.
Знакомой улицей села,
где затерялись детства годы,
незримо рядом тенью шла
судьба – каприза от природы.
Поэт о детстве вспоминал,
и в такт шагам слагались строки:

– Привет, родная сторона –
 источник светлый и глубокий!
 В былом и в прошлом есть всегда
 исток, начало, наши корни...
 Журчит родник, течет вода:
 – Испей, поэт! Живи и помни!

Дальше улица Первомайская – такая узнаваемая по пешеходному металлическому мостику через речку Томузловку и стройной шеренге пирамидальных тополей. Я помню эту речку еще в старом русле, там, где сейчас территория детского садика «Родничок» по границе огородов. В том месте еще живы древние ивы с неохватными сгорбленными и покореженными ветрами и годами стволами, уныло развесившие нечесанные космы ветвей. Они, как колдуньи-старухи, охраняют старое русло речки, которое мы когда-то, в конце пятидесятых, переходили вброд по камням и упавшим стволам деревьев со старшей двоюродной сестрой Ириной, приехавшей погостить из Ленинграда. Эти ивы помнят мои первые свидания десять лет спустя. Под ними я вздохнул рассказывал своей подружке о только что прочитанном романе Вальтера Скотта о храбром рыцаре Айвенго, о его страстной и самоотверженной любви. И этот рассказ был своеобразным робким и неумелым признанием в любви моей девчонке. Правда, это уже другая история...

Картинка воспоминаний еще бережит душу, а я узким проулком иду в сторону улицы Комсомольской. Здесь в угловом доме с высоким крыльцом жила когда-то семья всеми нами любимой учительницы математики Шуваевой Нины Александровны – умницы и красавицы. Мальчишки поголовно и тайно были в нее влюблены! Она и сейчас, спустя многие годы, красива и обаятельна. Настоящая легендарная грузинская царица Тамар...

Работать в мою родную вторую школу она пришла в 1961 году, а до этого учительствовала в другом районе вместе с мужем Валентином Кузьмичом... Всего Нина Александровна отдала учительской профессии 44 года и 10 месяцев! Несмотря на уже преклонный возраст, она обладает прекрасной памятью и при встрече мы с удовольствием вспоминаем школьные годы...

Справа от дома Шуваевых когда-то располагалось отделение милиции, а через дорогу – сквер с летним кинотеатром. Фильмы с запрещающей надписью «Детям до 16 лет...», или если не было денег на билет, мы с пацанами и девчонками смотрели, взобравшись на высокие деревья, росшие вокруг летнего кинотеатра. И тогда казалось, что это не гроздь ребятни на деревьях, а стаи галок, готовящихся к дальнему перелету на юг. Сейчас вместо летнего кинотеатра детская площадка с горками, аттракционами и бассейнами. И это скрашивает ностальгическую нотку в настроении: слава богу, что не ларьками застроили или очередным торговым монстром...

Милиция, а точнее районное управление полиции, теперь находится немного дальше, на перекрестке улиц Комсомольской и Пушкина, наискосок от бывшего здания родной школы № 2. Заходить туда нет надобности: меня вряд ли кто из сотрудников знает и помнит. Если только председатель Совета ветеранов МВД Кривоносов Валерий Петрович, бывший мой учитель физкультуры, бывший пограничник и мировой мужик, ушедший из школы работать в милицию по призыву комсомола. Мы с ним общаемся до сих пор. И всегда при встрече он, посмеиваясь, напоминает историю о том, как меня угораздило осенью 1970 года попасть на профилактическую беседу в инспекцию по делам несовершеннолетних – ИДН, где он работал инспектором.

Московский BAZAR № 1 (44) 2023

А попались мы с одним из моих друзей, имя которого я не буду называть по этическим соображениям, на банальной краже роз с ухоженной и тщательно охраняемой клумбы у райкома КПСС. Теперь в этом здании вершит правосудие районный суд. О бывлой принадлежности здания напоминает лишь памятник вождю пролетариата В. И. Ленину. А клумба эта живет и здравствует до сих пор. Вот только таких шикарных роз, какие цвели более пятидесяти лет тому назад, сейчас не увидеть...

Здесь, на площади перед храмом правосудия, я и завершаю свою нынешнюю прогулку по улицам родного села. Вспомнил, утешился, напитался мыслями, силой и добротой...

Максим Крюков. Терраса. 2021 г.

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

Дарья Гальцова

(Воронеж)

НАША ШКОЛЬНАЯ СТРАНА

*История Новокурлакской школы,
от церковно-приходской до современной*

Школа — это особая страна со своей энергетикой. Она притягивает к себе. Вот почему интересно писать об истории школы, судьбах ее учителей.

Я училась в Новокурлакской школе Аннинского района Воронежской области девять лет. Мне кажется, что это самая лучшая школа на свете. Там был «зеленый класс», кабинет сельхозтехники, где стоял настоящий трактор в качестве наглядного пособия. А где еще в сельской школе есть планетарий? Его построил вместе с учениками пятьдесят лет назад Аким Иванович Щербаков. Он был настоящим энтузиастом. Денег на строительство ему никто не давал — собирал по крохам со своей зарплатой. С тех пор туристические маршруты многих школ не только Аннинского района, но и всей области пролегают через Новый Курлак. Все хотят познакомиться с «чудом» — планетарием на селе.

В 1950 году А. И. Щербаков создал в школе музей. Первые экспонаты он принес в солдатском мешке из стран и городов, через которые проходил как солдат Великой Отечественной войны. Сейчас в музее много новых экспонатов, и он продолжает пополняться.

Это самые знаменитые объекты нашей школы. Но и сама ее история оказалась по-своему замечательной. Об этом говорит обширный архив краеведческого музея. Чего тут только нет: записи бесед со старожилами, дневники и мемуары учителей и учеников, письма выпускников, сотни газетных вырезок и фотографий разных лет.

Первые школы в селе

Первая школа в Новом Курлаке была открыта в 1865 году. Документа, который подтверждает эту дату, нет. Основываюсь лишь на словах старожилов, чьи воспоминания были записаны краеведами школы в начале шестидесятых годов двадцатого века. Однако вполне можно предположить, что 1865 год — достоверная дата. После земской реформы царя Александра II школы стали строиться более быстрыми темпами.

Первую новокурлакскую школу на свои средства построил местный помещик Александр Владимирович Станкевич. Он считался барином с передовыми взглядами. Школьное здание представляло собой избу-связь (две комнаты, разделенные сенями), крытую камышом. Отсюда историческое название — камышовая школа.

Церковно-приходская школа

Учителей Станкевич «выписывал» из Москвы. Он же платил им жалованье. До нас дошли имена нескольких энтузиастов народного просвещения: Лосева Софья Андреевна, Прошина Анна Гавриловна, Алексеева Вера Никитична.

Учились в камышовой школе в основном дети служащих из имения помещика. Но были среди учеников и крестьянские ребяташки. Через некоторое время А. В. Станкевич передал школу в ведение земских органов.

В 1889 году в селе стала действовать еще одна школа — церковно-приходская. По мнению Александра III, в земствах царила чересчур вольная обстановка. Чтобы найти идеологическую опору, русское правительство обратилось к духовенству. 13 июня 1884 года Александр III утвердил «Правила о церковно-приходских школах», предусматривавшие повсеместное открытие этих школ. Перед ними ставились в первую очередь задачи религиозного воспитания учащихся. «Школы сии, — говорилось в «Правилах», — имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания». Церковно-приходские школы стали получать государственное финансирование, поэтому они возникли во многих селах, в том числе и в нашем, Новом Курлаке. По сведениям старожилов, строительный материал на эту школу выделил опять А. В. Станкевич.

Из журналов Бобровского уездного собрания за конец позапрошлого века известно, что в новокурлакской церковно-приходской школе преподавали тогда Ключанский Сергей, Курбатов Николай, Дорошевский Михаил (отчества в журналах не указаны). Старожилы утверждали, что земская и церковно-приходская школы стали работать по единому плану. Если в земской обучались первый и второй классы, то в церковно-приходской — третий и выпускной, четвертый.

Позднее в Новом Курлаке были построены еще два школьных здания. Конечно, увеличилось и количество желающих учиться, хотя крестьяне не слишком охотно отпускали детей за парты — жалко было лишаться рабочих рук.

В 1907 году выстроили и новое здание церковно-приходской школы, так как первое уничтожил пожар.

В 1909 году было заложено новое здание земской школы. Его воздвигли в географическом центре села — на улице Гудовка. Строительство длилось четыре года. В 1913 году массивный дом из дубовых бревен, с просторными, светлыми комнатами и внушительного размера печами принял первых учеников.

В начале двадцатого века в Новом Курлаке работали Журавлева Екатерина Михайловна, Архангельская Лидия Николаевна, Юрин Александр Иванович, Яицкая Серафима Андреевна, Шапкин Семен Дмитриевич, Гуреева Клавдия Андреевна.

Учителя первых новокурлакских школ

О некоторых учителях того времени в школьных архивах есть подробный рассказ. Например, о Гуреевой Клавдии Андреевне. В 1967 году ее разыскала руководитель краеведческого кружка Микляева Мария Максимовна. В то время К. А. Гуреева жила в областном центре Воронеже. Дверь Марии Максимовне открыла тучная седая старушка, недоверчиво смотревшая на неожиданную гостью. Но едва услышав о Курлаке, Клавдия Андреевна сразу изменилась, ее взгляд потеплел, и лицо озарилось радостной улыбкой. Здесь я приведу записи из мемуаров М. М. Микляевой.

Родилась Клавдия Андреевна в 1891 году в Новом Курлаке. Она была дочерью служащего в имении Станкевича. Андрей Иванович Гуреев заведовал Ивановским хутором (тем самым, откуда был взят материал на строительство церковно-приходской школы). Существует достаточно горькая пословица: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Она в полной мере относится к судьбе К. А. Гуреевой. Вряд ли дочь мелкого служащего в те годы смогла бы окончить гимназию — для этого необходимы деньги. Они появились в семье после трагического случая, произошедшего в 1901 году.

Зятем помещика Станкевича был известный ученый-бактериолог Георгий Норбертович Габричевский. Он каждое лето гостил в Новом Курлаке и часто ездил охотиться на Ивановский хутор. В тот раз на линейке, кроме кучера, сидели Габричевский и Гуреев с маленьким сыном. Гуреев хорошо знал места, где обитали степные дрофы. И вот показалась птица. Габричевский стал торопить кучера, готовясь к выстрелу. Кучер погнался на лошадей во весь опор. Рытвина — и Гуреев падает с линейки в тот миг, когда Габричевский выстрелил. Пуля попала в лицо — смерть наступила мгновенно.

Габричевский встал перед женой убитого на колени и пообещал вдове содержать семью. Обещание было выполнено: каждый месяц Гуреевым посылалось 25 рублей, в то время немалая сумма. И хотя ученый умер в 1907 году, но вплоть до 1917 года пособие регулярно выплачивалось. Это и дало возможность Клавдии Андреевне получить образование.

Она училась в уездной женской гимназии в городе Боброве. Несмотря на деньги Габричевских, семья испытывала материальные затруднения: надо было платить за учебу и за квартиру. Клавдия Андреевна давала уроки математики по протекции начальницы гимназии дочкам бобровских купцов. И во время летних каникул не сидела сложа руки: учила детей управляющего именем Циммермана. За лето скапливалось 50–60 рублей, на которые можно было более или менее прилично одеться.

В 1911 году К. А. Гуреева приехала после окончания гимназии в Курлак, и ее мать обратилась к А. В. Станкевичу с просьбой устроить ее в земской школе. В Новом Курлаке Гуреева учительствовала десять лет, здесь ее застали события 1917 года и гражданская война. В 1921 году их семья покинула село. Клавдия Андреевна жила затем в Анне, в Воронеже. Во время Великой Отечественной войны эвакуировалась в Пензу. В 1944 году возвратилась в Воронеж.

На новые рельсы

Воссоздать то, что происходило со школами в Новом Курлаке в первые годы советской власти, мне тоже помогли материалы архива краеведческого кружка. Основными источниками послужили письма двух учителей, работавших тогда в селе. Это Семен Дмитриевич Шапкин и Галина Семеновна Басманова.

Семен Дмитриевич в одном из писем сообщал, что во время гражданской войны школы почти не работали. Например, в 1920 году в четвертом, выпускном классе училось всего 14 детей. В то время как в селе проживало более трех тысяч человек.

Здания школ остались прежними, ведь тогда их только что построили. Все они не отапливались зимой, не хватало учебников, не проводился косметический ремонт. Подробно Шапкин описал работу ликбезов — школ для взрослых по ликвидации безграмотности. В июле 1920 года состоялось одно из заседаний волостной комиссии по ликвидации безграмотности. В Новокурлакскую волость входило шесть населенных пунктов: Новый и Старый Курлаки, Кушлево, Моховое, Хлебородное, Бродовое. На каждый участок назначили ответственного: Новый Курлак — Шапкин, Моховое — Крюгер, Бродовое — Голубятников, Старый Курлак и Кушлево — Скрыпченко, Хлебородное — Тимофеева, степные поселки — Власова.

Также было решено открыть школу грамотности в Новом Курлаке в здании бывшей земской школы. Можно было записаться на учебу и в бывшей церковной школе.

Хочется рассказать о судьбе С. Д. Шапкина. Он был талантливым человеком. Семен Дмитриевич — первый «мужицкий» сын в Курлаке, сумевший стать интеллигентом. Родился он в 1897 году в нашем селе. Его отец, обыкновенный хлебопашец, захотел, чтобы сын получил хорошее образование. Так, после окончания земской школы он уехал в уездный Бобров. Там в 1915 году окончил второклассную учительскую школу. Крестьянский паренек стал учителем начальных классов. Семен Дмитриевич вспоминал в одном из писем, как однажды (это было в 1916 году) он встретился в Боброве на учительском совещании с К. А. Гуревой. Она была очень удивлена и обрадована, увидев своего бывшего питомца уже в качестве педагога.

В 1918 году ему удалось перебраться в родное село. И пусть вокруг шла гражданская война, молодость заставляла быть активным. Семен Дмитриевич участвовал в театральных постановках, которые устраивала группа учителей и служащих. Здесь он проработал до 1932 года. Затем получил повышение — стал директором школы села Березовка, где под его руководством возвели новое школьное здание. Потом были еще и еще переезды, новые назначения. Меня очень удивляло: обычно часто меняют место жительства военные. Видимо, в то время профессия учителя приравнивалась к офицерской.

В жизни Семена Дмитриевича ожидало огромное горе: он потерял в Великую Отечественную войну обоих сыновей, едва перешагнувших двадцатилетний возраст. Его единственной радостью осталось занятие краеведением и фольклором. Доживал свой век Шапкин в Воронеже, откуда присылал нашим краеведам письма. Особенно интересно читать их сейчас, когда прошло так много лет. Каких только сведений они не содержат: Курлак времен татарских набегов, старинные курлакские обряды и песни, гражданская война. Он продолжал писать, даже когда почти ослеп. «Пишу по памяти», — жаловался он.

От Семена Дмитриевича краеведы узнали, что в первые годы советской власти в Курлаке учительствовала Галина Семеновна Басманова. В школьном архиве находятся записи о встрече с ней М. М. Микляевой в июне 1964 года, а также два ее письма.

Жизнь Басмановой — пример учительницы нового поколения. Она родилась в 1902 году в Самарской губернии. В Курлаке оказалась в 1921 году, когда Поволжье охватил страшный голод. Старожилы Нового Курлака рассказывают, что и в наших местах в тот год голодали. Но,

видимо, девятнадцатилетней учительнице это село показалось раем. В 1932 году она с семьей уехала из Курлака. По словам Галины Семеновны, годы, проведенные здесь, были самой лучшей порой ее жизни.

Республика ШКМ

Поместье Станкевичей было образцовым. Вот как о нем рассказывается в сборнике «Русские провинциальные усадьбы»:

«Великолепный господский дом гордо смотрел с холма на окрестности. Внизу извивалась маленькая, но чистая река Курлак, вдали синел густой лес, а вокруг простирались воронежские степи.

Дом утопал в прекрасно спланированном парке. От въездных ворот к нему вела широкая аллея. Перед домом были разбиты бесчисленные клумбы и цветники. всюду по аллеям и в глубине парка стояли металлические диванчики. около дома росли две огромные сосны. Весь парк, окружавший барскую усадьбу, был обнесен каменной оградой. Слева от въездных ворот располагался обширный фруктовый сад. Там росли яблони, груши, сливы, вишни, малина, смородина. В центре сада — оранжерея, где выращивались южные фрукты и овощи.

Против окон господского дома находился большой фонтан, сооруженный из камня. В середине его возвышалась каменная глыба, на ней стоял огромный журавль с раскрытым клювом, из которого струилась вода. Фонтан был окружен розарием. Каких только роз здесь не было — начиная от белых и кончая черными! В восточной части парка размещались двухэтажный дом управляющего именем и всевозможные службы: поварская, прачечная, людская, конюшня, погреб, склады, амбары».

Осенью 1917 года все движимое имущество поместья было очень быстро разграблено. В 1926 году барский дом решили ликвидировать. Его разобрали по бревнышку и продали с торгов.

С молотка пошли бы и другие постройки, если бы не вмешался директор совхоза Сожигаев. Он был, по всей видимости, неглупым человеком. Сказал, что в помещичьем парке, в бывшем доме управляющего, можно открыть хорошую школу.

Так в октябре 1926 года в Новом Курлаке появилась ШКМ — школа крестьянской молодежи. В здании земской школы продолжала работать Гудовская начальная школа. Лишь в 1968 году ее «слили» со средней, то есть она стала филиалом Новокурлакской средней школы, хотя занятия тут продолжались. Только в 1972 году, когда сдали здание новой школы, Гудовская прекратила выполнять свои функции. Организацию ШКМ поручили Сергею Михайловичу Шмарину, агротехнику по образованию. Так как школа имела специфический (крестьянский) уклон, то главной ее задачей было обучить детей деревенскому труду.

Очень много о ШКМ я узнала из статьи в районной газете «Ленинец» (теперь «Аннинские вести») под названием «Школа начинается с учителя». Ее автор — Петр Константинович Борзунов, учитель-ветеран, долгое время преподававший в Новом Курлаке биологию.

**ШКМ — школа
крестьянской молодежи,
15. 06. 1929 г.**

По его словам: ШКМ была семилетней школой и официально называлась Новокурлякской трудовой школой крестьянской молодежи № 29 имени А. В. Луначарского. Потом ей присвоили имя Варейкиса. Такая школа была одна из немногих в округе: здесь учились дети из 15 соседних сел. Первые ученики находились, правда, уже не в детском возрасте: в пятый класс они поступали в 14–15 лет.

При школе учредили солидное подсобное хозяйство, где трудились сами ученики: 50 га земли, 66 лошадей, 4 дойные коровы. Выращивались пшеница, подсолнечник, овощи. Урожай хранился в уцелевших помещичьих амбарах и подвалах. Учеников из дальних сел размещали в избах раскулаченных жителей села.

Петр Константинович сам учился в этой школе с 1930 по 1934 год. Особенно ему запомнился учитель математики и завуч Тихобразов Александр Павлович. Он был главным организатором внешкольных дел. Под его руководством проводил митинги и собрания, устраивали спектакли и концерты, отправлялись в походы.

Вообще, первые учителя ШКМ отличались необыкновенной эрудицией и интеллигентностью. По словам Борзунова, все они были выходцами из Москвы и Ленинграда, а события революции и гражданской войны забросили их в нашу глубинку. Обучали в ШКМ в начале 30-х годов так называемым бригадным методом. Учитель объяснял материал бригадирам — то есть более сильным ученикам, а те передавали полученные знания своим товарищам. Петр Константинович предполагал, что такой метод был вызван нехваткой учебников.

В 1934 году Новокурлякской ШКМ присвоили почетное звание образцовой. И действительно, свидетельство о награждении цело, оно красуется сейчас на стенде по истории школы. Подписал документ министр просвещения Бубнов.

Выпускники этой школы: П. К. Борзунов, М. А. Фролова и К. Я. Колмаков — с теплым чувством вспоминали школьные дни и своих учителей. Сами в дальнейшем все стали педагогами.

ШКМ существовала не очень долго. В 1935 году ее преобразовали в общеобразовательную десятилетку.

Новая школа

Новый, 1972, год принес радостное событие. Ученики и учителя его встречали у елки, поставленной в огромном зале новой школы. По сравнению с классами старой школы этот зал (будущая столовая) казался дворцом.

Конечно, просторные классы не шли ни в какое сравнение с классами старой школы. И все-таки все, учителя и старшеклассники, с грустью прощались с ней, такой обжитой и по-семейному уютной. Да, там все было примитивно, по-домашнему тепло от грубоватых печек, сложенных из кирпича. Тесновато было за старыми партами, ютились 35–40 девочек и мальчиков около учителя в классе. И коридор был маловат для 700–800 человек, поэтому дежурные учителя частенько на перерывах выпроваживали ребят погулять на воздух. Все неудобства окупались другим: неопишуемой красотой старого помещичьего парка. И вот новая школа, светлая, просторная, но... чужая. Особенно для тех учителей, кто много лет работал в старой.

Первые занятия в новой школе принесли восторг и восхищение. Здесь было все, что нужно для полноценной учебы и работы.

Теперь хочется рассказать о некоторых учителях новой школы и о краеведческой работе. Она началась давно — в конце 50-х годов. Первые юные краеведы сейчас уже бабушки и дедушки. Сначала кружок вел учитель-фронтвик, преподаватель географии. Он много путешествовал с краеведами по родному краю, плывал с ними на лодках по окрестным рекам.

Они добыли много экспонатов для музея, который и был создан этим же учителем, Акимом Ивановичем Щербаковым. И не только музей он организовал и все время его пополнял, наряду с этим он открыл в школе планетарий, хорошо оборудованный, продуманно построенный. Ребята считали большой честью попасть в его кружок.

А Мария Максимовна Микляева была основателем литературно-драматического кружка. Школьники ставили в школе и окрестных селах спектакли по произведениям писателей, юбилеи которых отмечали на литературных вечерах. Сценарии спектаклей она писала сама.

Современное здание школы

Например: «Мертвое озеро» и «Поленька и горбун» по Некрасову, «Идиот» и «Дядюшкин сон» по Достоевскому, «Курлакская свадьба» и «Бабий хлеб» на местном материале. Тогда телевизоров еще не было и эти спектакли в селах смотрели с большим интересом. Были в репертуаре и сказки. «Артисты» с удовольствием готовили костюмы и сооружали декорации.

Иногда для постановки требовались песни, и ребята шли за ними к бабушкам. Потом решили, пока живы наши бабушки и дедушки, собрать как можно больше материала. Это песни, пословицы, поговорки, местные сказки. Это и было началом краеведческой работы. Затем начали заниматься изучением истории своего села. Решили начать с архивных изысканий по заселению нашего края. Были поездки в Воронеж, в архив. Так и пошли, соблюдая хронологию событий. За время работы кружка сменилось несколько поколений краеведов-учащихся. Это были энтузиасты! Они посещали старожилов, записывали их воспоминания о событиях, свидетелями которых те были. Собрано много фотографий. Краеведы вели обширную переписку с теми, кто давал ценные сведения по тому или иному вопросу. Переписывались и встречались с наследниками последних владельцев курлакского имения помещиков Станкевичей. Посещали Московский Исторический музей. И по сегодняшний день кружок краеведов существует в нашей школе. Я его с большим интересом посещаю. Даже есть несколько исследовательских работ, сделанных лично мной. Конечно, с помощью Макарова Николая Александровича, учителя немецкого языка и руководителя нашего кружка. Есть у нас и школьный театр. Только теперь он работает под руководством Сысовской Ирины Александровны, учителя русского языка и литературы.

Всю душу отдала работе Матвиенко Анастасия Митрофановна. Она по специальности учитель химии и долгое время была директором школы. Много лет здесь работают Уразова Любовь Александровна, Денисова Надежда Александровна.

Вновь и вновь перебираю материалы школьного архива. Сколько учительских судеб, ученических побед и поражений, школьных будней. История нашей школы насчитывает полтора века. И лучшие ее годы еще впереди.

Московский BAZAR № 1 (44) 2023

ГАЛЕРЕЯ BazART

Наши выставки. КЦ «Внуково-МВТ», ул. Ленина, 23

Знакомьтесь:

*Дмитрий Попов,
Максим Крюков
(Москва)*

*21 января открылась совместная выставка художников
Дмитрия Попова и Максима Крюкова «ЛОВЦЫ ЦВЕТА».
Работами художников оформлен текущий номер МВ.*

Дмитрий Попов родился в Москве. Окончил Московский государственный педагогический университет, художественно-графический факультет. Обучался у признанных мастеров Прокофьева Н. И., Лушников Б. В., Шашкова Ю. П. Тихомирова Л. П., Соколова В. П., Крутова Н. П.

С 2009 года член Московского союза художников. Участник более 60 выставок, среди которых «Молодые художники России» (Москва, ЦДХ); «АРТ манеж» (Москва); «80 лет Московскому союзу художников» (Москва, ЦДХ); «Реалистическая школа живописи» (Галерея Валентина Рябова, Москва); «Арт-галерея Кантри-парк» (персональная выставка, Москва); «32 выставка произведений молодых художников Москвы» (Кузнецкий мост, 11, Москва); «Тридевятая земля» (Москва, Дом-музей Марины Цветаевой, персональная выставка) и др.

Картины художника удивляют смелой игрой красок и активной подачей объекта. Дмитрий Попов через активный цвет и колорит передает красоту, присущую окружающему миру. Усиливая в своих произведениях беспредметность, он пытается достичь духовной составляющей этого мира, мира божественной истины.

Картины наполнены драматургией цвета, отдельные элементы которых воспринимаются как источники света. Художник использует все градации своей палитры, что оборачивается неожиданными всплесками, цветовыми взрывами, которые превалируют над изобразительными формами.

Д. Попов. Открытие выставки в Галерее BazART. 2023 г.

Д. Попов. Морозно в деревне. 2022 г.

Московский BAZAR № 1 (44) 2023

Максим Крюков родился в Москве. В раннем возрасте занимался в творческих мастерских по направлениям «мозаика», «скульптура». Еще в школе получил профессию художника-оформителя. В 2007 году с отличием окончил художественно-графический факультет МГПИ им В. И. Ленина.

После окончания института преподает живопись, но в настоящий момент переориентируется на творческую деятельность. Работает в разных техниках: акварель, пастель, темпера. Основной сюжет – русский пейзаж. Вдохновляется полотнами Исаака Левитана, Алексея Саврасова, Константина Коровина и др.

М. Крюков. Русский пейзаж.

М. Крюков. Открытие выставки в Галерее VazART. 2023 г.

Открытие выставки «Ловцы цвета». Слева направо: художник Максим Крюков, руководитель проекта «Галерея VazART» Ольга Грушевская, заведующая культурным центром «Внуково-МВТ» Светлана Половинко, писатель Илья Криштул, художник Дмитрий Попов. Февраль, 2023 г.

Московский BAZAR № 1 (44) 2023

ГАЛЕРЕЯ BazART

Наши выставки. КЦ «Внуково-МВТ», ул. Ленина, 23

Мастерская Ольги Гуревич (Москва)

18 февраля открылась выставка учеников художника Ольги Гуревич «ПОЗНАВАЯ ЦВЕТ».

На выставке были представлены работы десяти участников мастерской.

УЧАСТНИКИ ВЫСТАВКИ О ЗАНЯТИЯХ ЖИВОПИСЬЮ

Я – архитектор-дизайнер. Нравится, что могу пробовать себя в чем-то новом, воспринимаю процесс живописи как некую терапию, поиск себя.

Екатерина Колпина

В стенах студии сложился не просто класс, но пространство единомышленников, атмосфера дружбы и интересных дискуссий. Мне удалось найти свой стиль живописи и смелость реализовывать свои художественные замыслы.

Мария Морыженкова

Московский BAZAR № 1 (44) 2023

Желание прикоснуться к этому удивительному искусству живописи зародилось еще в детстве. Но суета минувших лет отодвинула его реализацию к рубежу 40 лет. Я еще младенец, делающий первые, несмелые шаги на этом пути, но уже сейчас, спустя 1,5 года благодаря занятиям в мастерской я увидела, что мир гораздо красочнее, чем кажется с первого взгляда. Чтобы отразить предмет на холсте, совсем недостаточно базового цвета, нужно множество цветов и их оттенков. Чтобы это увидеть, нужна «насмотренность» – первое, что я запомнила на уроках. И действительно, теперь, глядя на любой предмет, я стараюсь отыскать в нем множество цветов через призму мысли: какие краски бы мне понадобились, чтобы его написать.

Елена Суколина

Вероника Алфёрова

Окончил МЭИ по специальности «радиотехника». Последние 20 лет работаю программистом, разрабатываю веб-сайты. Желание научиться рисовать никогда меня не покидало. Живопись помогает мне в работе, где есть значительная творческая составляющая.

Дмитрий Петлин

Галина Вязникова

Московский BAZAR № 1 (44) 2023

Я прикладной математик по образованию и работаю по специальности, но живопись всегда была моим главным увлечением.

Ирина Наседкина

Наталья Борщева

Работаю в сфере консалтинга в области информационных технологий. Работа связана с общением с большим количеством людей и решением сложных задач, затрагивающих интересы разных групп сотрудников компаний. Занятия живописью – это своеобразная арт-терапия, позволяющая снять накопившийся стресс, реализовать себя в творчестве и получить удовлетворение как от процесса, так и от результата.

Жанна Вахрушева

Ирина Лукашевич

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Наталья Пунина-Орлова
(МОССАЛИТ, Москва)

СКАЗАНИЯ О ДРУГИХ МИРАХ

– Скажи, дедко, а правда, что есть где-то такие большие-пребольшие деревни, как десять, нет, сто писят наших? – спросила Таятка.

Дед усмехнулся в густые седые усы, неспешно раскуривая сигарку:

– А то! Есть такие, что и не чета нашей. Города называются.

В конце каждого дня перед сном дедко Савелий, как заправская нянька, вел такие неспешные беседы с младшей любимой внучкой. Так у них было заведено. Маленькая Таятка обожала эти беседы и каждый вечер ждала с нетерпением. Дедко был умудрен не только годами – в молодости ему довелось поехать по городам да весям. Потому ли, а может, еще почему, односельчане уважали Савелия и частенько заходили за советом.

– Так вот, – продолжил старик рассказ, – в городах этих дома-то не такие, как у нас. Они большие, порой каменные, иной и о двух, а то и трех этажах.

– Ух, ты! А зачем, дедуль, столькоэтажатые? Как на чердашный этаж забираться? Неудобно ведь.

– Да кто ж их, городских, знает. Наверно, тесно им живется. Вот и ширятся... вверх. А лестницы-то – будь, внучка, уверена там имеются. Та-а-акие широченные. – Савелий развел руки далеко в стороны, показывая Таяте габариты предполагаемых лестниц городских домов. – А вдоль этих лестниц поручни-от полированные.

– Вот это да! – От восторга у девочки загорелись глаза и перехватило дыхание.

– Да-а-а. А в богатых домах... сам-то я не видал, но боял люд местный... аж и мраморные есть, а то и в лепнине.

– А что такое, дедко, лет-пнина?

– А это, внученька, такая лепота вокруг ступенек, что и в сказе не описать, и в ум не взять.

– Не может быть! – восхитилась Тая.

– Еще как может. Да это еще что! Есть в больших городах такие дома, которые прозываются собрание али клуб, еще театрум.

– Это что же за дома с такими чудными названиями?

– Названия из иных наречий взяты. – Савелий деловито поднял указательный палец. – Из латиницы да франковита.

– И что эти слова странные означают?

– Ну, собрание – это что-то вроде нашей сходки, для важных господ токмо. Театрум – это... м-м, помнишь к нам по тому лету балаган приезжал с кривлялами там всякими, скоморохами?

– Помню, конечно, деда! Ты мне тогда еще леденец купил и на качели покатал.

– Вот! Это и было что-то на подобие театрума. Только, думаю, веселей. А клуб...

– Да, дедуль, клуб!

Савелий ненадолго задумался, попыхивая сигаркой.

– Даже не знаю, как повнятней сказать-то. Это что-то среднее между театрумом и собранием. Только для людей посолиднее.

– Кто ж еще солиднее? – изумилась внучка.

– Ну дык... Купцы да вельможи советные всякие – вот кто. Да.

– Ишь ты... А оне кто такие?

– Давай-ка, Таятка, на боковую. Завтра на зорьке вставать – по грибы пойдём.

И дед заботливо укутал девочку одеялком.

– Ну дедко, – закапризничал ребенок, – ну пожалуйста-а-а... Я не буду больше про вельможней спрашивать. Сам чего хочешь расскажи еще о городах.

– Расскажи да покажи, – заворчал Савелий, но так добродушно, что хитренькая Тая поняла, что услышит сейчас продолжение увлекательного повествования.

– А еще там корабли. Это как наши лодки, только больше и с парусами. А паруса – такая простыня огро-о-омная, что на просушку повешена. На ветру так и вьется, аки твоя канитель. А еще паровозы. Если в нашу телегу лошадей запрячь с десятков да сзади еще повозок подцепить с добрую сотню... все равно непохоже будет.

Увлечшийся собственным сочинением дед не заметил, что внучка уснула, сладко посапывая во сне. И еще долго что-то сказывал о дальних странах да морях-окиянах...

Таятка мирно посапывала и видела во сне зеленеющие поля с кучковавшимися на них гуртом домами-великанами. А в домах лестницы полированные, и собрания там вельмож да купцов, и все промеж себя совещаются-советуются. А кругом телеги без лошадей да лошади без упряжи. И вокруг трепыхаются огромные простыни в лепнине. И так славно все, так затейливо...

Дмитрий Попов. 2020–2023 гг.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Светлана Катеринкина
(Москва)

ВОВКА

Вовка был прыщавым рыжим подростком, над которым подсмеивались друзья. Мальчик он был хороший, но учеба не всегда ему легко давалась. Особенно с алгеброй были проблемы. По этой причине Ольга Васильевна, учительница алгебры и геометрии, постоянно делала Вовке замечания, и мальчику было неловко получать их перед всем классом. Но он не злился на Ольгу Васильевну, уж слишком был добродушным. Кроме того, Вовке очень нравилась одноклассница Вика, умница и отличница. Каждый раз, когда Вика заходила в класс, сердце у Вовки подпрыгивало в груди. Он пытался с ней подружиться, но Вика была настоящей звездой школы. Она прекрасно училась и занималась в школьном театральном кружке. Конечно, у нее было много поклонников, и на тихого Вовку она не обращала никакого внимания.

– Давай дружить, – сказал однажды Вовка Вике, опустив смущенно глаза.

– Ха! – хихикнула хвастливо Вика. – Для чего тебе, неудачнику, со мной дружить? Чтобы контрольные списывать? Нет уж, ты мне не пара. Пока!

Так и жил Вовка. Учился на тройки, слушал упреки Ольги Васильевны, терпел насмешки одноклассников. Однажды Вовка спросил у мамы:

– Мама, а что, если некоторые люди рождаются совсем никчемные?

– Так не бывает, сынок, – ответила мама. – В каждом человеке есть что-то особенное.

– И ты меня любишь, несмотря на то что я не отличник? – с надеждой в голосе спросил Вовка.

– Ну конечно, – ответила мама, нежно погладив сына по волосам. – Ты у меня золотой.

Как-то раз класс, в котором учился Вовка, поехал на экскурсию в национальный природный парк. Ольга Васильевна ехала с детьми в автобусе. Вика была главной ее помощницей. Вдруг впереди послышался какой-то шум, звон разбивающегося стекла и скрежет металла. Водитель автобуса резко затормозил, да так, что Ольга Васильевна чуть не упала. Хорошо, что дети все сидели на своих местах.

Оказалось, что впереди случилась страшная авария. Такой же рейсовый автобус, только с детьми помладше, столкнулся с грузовиком. На дороге образовался затор. Слышались крики о помощи и детский плач. Водитель и Ольга Васильевна выбежали из автобуса и поспешили к месту аварии. Раненых было очень много, а скорая помощь еще не приехала. Несколько взрослых мужчин не успевали оказывать помощь пострадавшим. Ольга Васильевна от вида крови чуть не потеряла сознание. Она побледнела и уселась на обочине. Подростки с ужасом слушали стоны и крики.

Внезапно Вовка вскочил со своего места, выбежал из автобуса и направился к месту трагедии. Первым он увидел маленького мальчика, истекающего кровью. Мальчик лежал на асфальте и плакал. Вовка подхватил его на руки и отнес подальше от битого стекла.

Неожиданно для себя он вспомнил все, что рассказывали в школе о помощи пострадавшим в чрезвычайной ситуации. Подросток решительно снял с себя рубашку и порвал ее на длинные лоскуты. Он грамотно наложил повязку на рану пострадавшего ребенка. Оказав ему первую помощь, Вовка побежал к другим раненым.

Вовкины одноклассники вышли из автобуса и ошарашенно наблюдали за его действиями. Вскоре приехали скорая и полиция. В тот день Вовка помог многим раненым детям. На следующий день вся школа знала, что Вовка – герой. Никто не смел над ним смеяться. Ольга Васильевна еще несколько дней приходила в себя и не появлялась на работе. А через неделю в актовом зале школы в присутствии всех учащихся и учителей Вовке вручали награду за героический поступок. После церемонии награждения Вика подошла к Вовке и, смущенно опустив глаза, тихо сказала:

– Давай дружить.

– Давай, – просто ответил он. После того, что с ним произошло, Вовка нисколько не зазнался.

Дмитрий Попов. Дети. 2020 г.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Юлия Джейкоб (Пучкова)
(Москва)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

Вышивала Дуся гладью

Вышивала Дуся гладью голубого мотылька,
И была у нашей Дуси очень лёгкая рука.

Получился мотылёк,
Словно неба лоскуток,
Как живой на белой ткани,
Только очень одинок.

И решила Дуся вышить золотого мотылька,
Ловко двигала иглой очень лёгкая рука.

Получился мотылёк,
Словно яркий огонёк,
Как живой на белой ткани
И уже не одинок.

Вдруг их крылышки забились, замерла с иглой рука,
И от ткани отделились два волшебных мотылька.

Дуся в слёзы: «Вот дела!
Вышивала я с утра!
А теперь на белой ткани
Вместо вышивки – дыра!»

Вмиг сложив покорно крылья и поблекнув от тоски,
Улеглись на белой ткани без движенья мотыльки:

Бледно-серый лоскуток,
Тускло-рыжий огонёк.
И теперь былых красавцев
В них узнать никто б не смог.

Тут у Дуси сжалось сердце от досады на себя,
И она сказала твёрдо, кромку ткани теребя:

«Пусть трудилась я с утра!
Пусть останется дыра!

Но зато сумею сделать
Я хоть капельку добра».

Вышивала Дуся гладью мотылька за
мотыльком,
На свободу отпускала лоскуток за
огоньком.

И летели мотыльки:
Лоскутки и огоньки –
Из окошка в мир огромный
С лёгкой Дусиной руки.

Беда

С математикой беда –
 Ни в жару, ни в холода
 Не решаются примеры –
 Вот такая ерунда.

Этим летом жил на даче,
 На ночь вслух читал задачи,
 Только зря – решенья мне
 Не приснились и во сне.

Клал учебник под подушку
 И прикладывал к макушке,
 Только всё напрасный труд –
 В Интернете сайты врут.

Но сказал мне друг один:
 «Мы лишь то, что мы едим».
 Это он прочёл в витрине
 По дороге в магазин.

Он шепнул мне: «Шутки брось,
 Съешь учебник и авось
 Пропитаешься за месяц
 Математикой насквозь».

Я учебник отварил,
 На кусочки поделил
 И, заправив майонезом,
 Стал жевать что было сил.

Разжевал так две главы,
 Проглотить не смог, увы,
 Видно, век мне оставаться
 С математикой на «вы».

Кружева

Пролетела по лесу дурная молва:
 Что один паучок вместо сети,
 Вопреки всем порядкам на свете,
 Вдохновенно плетёт кружева.

Пригласили его на совет пауков,
 Чтобы он на Высоком совете
 Откровенно и честно ответил,
 Отчего и зачем он таков.

И приполз паучок и, представ пред судом,
 Отвечал им совсем не спесиво:
 «Кружева – это страшно красиво!
 И совсем неопасно притом.
 Кружевами любитесь вся мошकारа –
 красоту ведь нельзя не заметить:
 Налетят папы, мамы и дети
 И глазуют с утра до утра».

«Ну дела! – усмехнулся пузатый паук, –
 Говоришь, что совсем неопасно?
 Что любитесь все? Лишь неясно,
 Что же ешь на обед ты, мой друг?»

«Я могу голодать целый день или два.
 Это, в общем, не так уж и сложно.
 Просто сети плести невозможно,
 Если можешь плести кружева».

Тут пузатый паук покрутил у виска
 И с усмешкой промолвил: «Ну что же,
 Он недолго протянет, похоже.
 Не встречал я глупей чудака».

Все на том расползлись, лишь паук-крестовик
 Прошептал: «Не печалься напрасно -
 Кружева твои правда прекрасны!
 Ты, пожалуйста, долго живи.
 Пусть слетаются все, пусть глазеет весь свет,
 Только голод, поверь мне, не шутка,
 И когда будет пусто в желудке,
 Приползай-ка ко мне на обед».

В детской

Вчера под самый вечер осенних туч мрачнее
В моё окошко в детской влетела чудо-фея.

Я фею усадила с любимой куклой рядом,
Дала ей каплю мёда и крошку шоколада,
И в блистер от таблеток, что пьёт мой дед на
даче,
Накапала ей чая – он был ещё горячий.

Немного отогревшись, она сказала мне,
Что раньше жили феи в мечтах или во сне;
А нынче дети редко их в сны свои зовут
И им труднее с каждым днём найти себе приют.

Ещё она сказала, ей встретились в дороге
Скакавшие угрюмо друзья-единороги;
Им двигаться мешало земное притяженье,
И нужен был ребёнок с живым воображеньем,

Который притяженье сумел бы усмирить,
Чтоб, сильно оттолкнувшись, они могли парить.
Но дети-фантазёры сегодня не в чести –
Ужасно сложно в наши дни таких детей найти.

Всю ночь о том и этом мы с феей говорили;
Моё окошко в детской пошире отворили.
К рассвету возле куклы гостей собралось много:
Двенадцать фей, жар-птица и три единорога.

Уставшие бедняги заснули поутру.
Пойду-ка в огороде им ягод соберу.
А сколько их знакомых скитается ещё!
Ведь если я начну считать, то потеряю счёт.

Оставлю нараспашку я вечером окошко –
На всех мне хватит мёда и шоколадной крошки.

Укротитель туч

Жил на свете белом-белом укротитель чёрных туч,
И не то чтоб был он смелым, и не то чтоб был могуч.
Но как только собирались тучи грозные толпой,
Доставал он кисть и краски, что всегда носил с собой.

Взмах, другой – в одно мгновенье гениальная рука
Превращала злые тучи в озорные облака:
Тучка-розовый слонёнок, тучка-жёлтый бегемот,
Тучка-рыженький котёнок, тучка-синий кашалот.

Как же тут не улыбнуться, если рядышком с тобой
Звери по небу несутся разноцветною гурьбой?
Тучки прыскали со смеху и худели на глазах,
И теряла от потехи свою силу гроза –
Выпадал лишь тёплый дождик и, завидя солнца луч,
Завершал свой труд художник – укротитель чёрных туч.

Гном и Великан

Шагая через речку, Великан
Услышал странный писк и удивился,
К воде он близко-близко наклонился
И видит: из воды торчит рука.

Малюсенькая, ровно с ноготок,
Он руку хватать – и вытянул из речки
Поистине чудного человечка
В штанах, рубахе, шляпе и пальто.

Так понял Великан, что гномы есть,
А Гном узнал, что злые великаны
Не прячут бедных гномов по карманам
И в дом не тащат, чтоб на ужин съесть.

Был разный мир у каждого из них:
У Великана с морем и горами,
У крохи Гнома с кочками, ручьями,
Одно лишь было небо на двоих.

Чтоб лучше слышать гнома, Великан
Сажал его как можно ближе к уху,
А чтобы не лишиться малютку слуха
Свой рот он прикрывал рукой слегка.

И там на сумасшедшей высоте
Малютка Гном глазам своим не верил –
Как будто перед ним открылись двери
Туда, где всё не так и все не те.

Там речка превращалась в ручеёк,
Там горы обретали очертанья,
И можно было видеть утром ранним,
Как солнце из-за озера встаёт.

Тогда свой мир и Гном открыть решил –
Шлифованный кристалл принёс однажды
И, другу протянув его отважно,
Взглянуть на мир сквозь лупу предложил.

Устроившись удобно на траве,
Тот глянул через выпуклость кристалла
На лютик, где коровка отдыхала
И мчался вверх по стеблю муравей.

До самой поздней ночи Великан
Разглядывал букашек и травинки,
А утром на листе считал росинки
И пятнышки на крыльях мотылька.

С тех пор по свету в солнечных лучах
Шагает Великан, встав утром ранним.
Ключ к миру Гнома он хранит в кармане,
А Гном глядит на мир с его плеча.

Лошадка-качалка

Я лошадку-качалку совсем притомил
Да и сам на диван повалился без сил
И заснул в тот же миг, а лошадка во сне
На своём языке обратилась ко мне:

«Отпусти меня, Ваня, в родные края!
Мне бы только узнать, как там мама моя,
Мне бы только увидеть родные глаза.
Ты поверь – я до дома и сразу назад».

Я проснулся и с кухни принёс молоток,
И хотел сбить дощечку с лошадиных ног
И, погладив по гриве, сказать ей: «Вперёд!
Надо быстро бежать, если мамочка ждёт!»

Но вошла моя мама и, нежно обняв,
Объяснила, что вряд ли среди белого дня
Моя лошадь помчится у всех на виду
По заветным тропинкам, что в сказку ведут.
«Ты катайся пока, а с лошадиных ног
Мы дощечку кривую собьём перед сном».

Так и сделали мы, и, улёгшись в кровать,
Пожелал я лошадке быстрее доскакать.

Я проснулся, гляжу – в небе солнце палит,
У кровати лошадка: копыта в пыли,
На хвосте три травинки, на гриве цветок,
А из чёлки торчит тополиный листок.

Я смахнул с мокрой морды узор из пыльцы
И, лошадку уставшую взяв под уздцы,
Прошептал ей: «Ну как там в родной стороне?»
И она мокрым носом прижалась ко мне.

Лисипед

Мне купили красный-красный трёхколёсный лисипед.
На своём велосипеде я поеду на обед,
А потом поеду в ванну
Искупать его под краном,
В туалет и в коридор,
В лифт, на лестницу, во двор!

Ни за что без лисипеда никуда я не пойду!
В детский сад возьму, чтоб стало всем-всем завидно в саду.
Чтоб противный Васька Котов,
Что дерётся самолетом,
Увидав меня, бежал бы как последний жалкий трус,
Самолёт в углу оставив,
На секундочку представив,
Как мой велик будет страшен, если я им замахнусь!

Диво

Диво-дивное случилось, чудо-чудное сбылось:
Бабка-ёжка потеряла где-то злость.

А Кикимора болото превратила в дивный пруд;
Водяной нырнул туда же – старый плут.

А Кощей своей иголкой, чтоб без дела не лежала,
Сшил всей нечисти лесной по одеялу.

И вся нечисть побежала у Кикиморы просить
Разрешения в пруду себя отмыть.

Потому что разве можно спать под чистым одеялом,
Не помывшись очень тщательно сначала?

Им Кикимора, замечу, искупаться разрешила
Да ещё дала мочалок всем и мыла.

И представь, вся эта нечисть превратилась разом в «чисть»!
Коль не веришь, приходи и убедись.

И теперь в лесу не страшной стала даже темнота,
Потому что правит лесом ДОБРОТА.

Ночь

Нас опять пугает ночь –
Прогоняет тени прочь,
Но луна приходит в гости,
Чтобы путникам помочь.

И совсем не страшно станет,
И дорога не обманет,
Потому что, так прекрасна,
Спит луна на небе ясном.

Звёзды на небе проснутся,
Заморгают, встрепенутся,
И слетят со звёзд пылинки –
Лягут на землю снежинки.

Пусть как уголь ночь темна,
Белой лампою луна
Зимний воздух освещает –
И искрится тишина

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

ПРИМЕРОЧНЫЕ КАБИНКИ ДЛЯ МУЗ

По признанию большинства писателей, самый ненавистный вопрос на встречах с читателями: «Где вы берете сюжеты для своих произведений?». Не ответить нельзя – невежливо, ответить так, как на самом деле хочется ответить, нельзя – невежливо. Поэтому, как правило, отшучиваются с большей или меньшей долей успеха. Да и сами любопытствующие читатели вряд ли согласятся провести полдня, слушая возможные варианты трактовки строк Анны Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...».

По утверждению специалистов, к пяти годам среднестатистический ребенок сформирован как личность, четко ощущает себя частью общества, активно взаимодействует с окружающим миром и знает, какое место в социуме занимает. Мой собственный пример полувековой давности мог бы наглядно иллюстрировать данный тезис.

Ребенок должен гулять минимум два раза в день. Этот непреложный для моих родителей закон часто становился источником моих детских страданий, потому что гулять возле дома меня отправляли даже рано темнеющими зимними вечерами, а больше никого из друзей по дому в такую пору гулять не выпускали. И вот для того чтобы как-то скоротать час уличной каторги, я придумала для себя игру: считала, в скольких окнах на первом этаже горит свет, потом – на втором этаже, третьем и так далее. Выигрывал тот этаж, на котором было больше прямоугольников света. Но этажи заканчивались – их было всего пять. И даже окна соседнего дома быстро подходили к концу. А вот на приближение конца прогулочного часа – ни малейшего намека. Надо было как-то себя развлекать. И я нашла способ.

Как тот самый среднестатистический ребенок, осознавший себя уже не центром вселенной, а маленькой частью большого мира, я вдруг отчетливо поняла, что за каждым светящимся в вечерней темноте окном сейчас находятся ДРУГИЕ люди, ДРУГИЕ семьи, происходят ДРУГИЕ истории, не похожие на историю моей семьи. Это было открытие-прорыв для меня, шестилетнего ребенка. Рассматривая освещенные окна – фрагменты мебели, виднеющиеся люстры, цветные полотна штор, – я начала придумывать какие-то маленькие истории о тех, кто живет в этой квартире. Истории эти не отличались разнообразием, но ведь и мой жизненный опыт к шести годам был не слишком богатым. Зато время прогулки за этим занятием пролетало, как скорый поезд мимо глухого полустанка.

Оказалось, не я одна такая находчивая. Недавно посмотрела фильм одного из значимых кинорежиссеров новой волны во французском кинематографе Франсуа Озона. Лента называется «В доме» и рассказывает о взаимоотношениях учителя литературы, преподающего в школе только потому, что его собственная карьера писателя не задалась, и имеющего проблески писательского таланта ученика старшего класса. В финальной сцене фильма несостоявшийся и потенциальный писатели сидят на скамье перед многоквартирным домом и

Дмитрий Попов. Самовар. 2022 г.

вглядываются в окна, где по прихоти режиссера жильцы разыгрывают многочисленные мимические сценки, каждая из которых может стать основой литературного произведения. Посыл очевиден: сюжетов великое множество – нужно только внимательно смотреть вокруг.

Специально для тех, кто не устает трудолюбиво промывать мутный песок повседневности ради пары золотых крупинок сюжетной линии, я хочу подкинуть одну любопытную наводку.

Как вы знаете, в древнегреческой мифологии две музы – Мельпомена и Талия – олицетворяют театр жизни, жизненный опыт. Мельпомена режиссирует трагедию, а Талия развлекается комедией.

Мне выпал случай недолго поработать в таком месте, где обе благородные девы без всякого труда, играючи, могли бы выдергивать нити сюжета из полотна повседневной суеты.

Небольшой по формату магазинчик, специализирующийся на продаже джинсовой одежды одной раскрученной торговой марки, в выходные дни кишмя кишел покупателями, что вызывало у меня – временного сотрудника этой торговой точки – оторопь и недоумение. Во-первых, я не представляла, что у этого лейбла может быть столько поклонников, а во-вторых, по скромности собственных доходов, не думала, что люди готовы расставаться со столь немалыми суммами за один магазинный заход. Но самое интересное – это не странности любви к шильдику и не вопрос доходов, а страсти, кипящие вокруг примерочного процесса. Мельпомена и Талия, как я полагаю, не могли бы усидеть на одном ряду невидимого амфитеатра вокруг зоны примерочных кабин, а перебежали бы с места на место, чтобы не упустить деталей происходящего.

Музу комедии, возможно, порадовала бы ситуация вокруг приятной супружеской пары, обратившейся за помощью ко мне как к продавцу-консультанту. Жена, миловидная светловолосая женщина лет тридцати, выступала в данном случае в качестве группы поддержки и, одновременно, строгой судейской коллегии. Муж, статный, широкоплечий мужчина в черной куртке и потертых джинсах, был основным заказчиком и активным собеседником. Нас как-то сразу расположило друг к другу, и стало ясно – покупке быть, потому что и супруги были явно нацелены на результат, и мне было приятно им помочь.

Основная проблема многих покупателей, как показала практика, состоит в том, что они либо не знают своего размера, либо пребывают в иллюзорной уверенности, что с выпускного бала они совсем не изменились. В нашем случае все решалось просто. Мужчина был одет в джинсы той же фирмы, поэтому, приподняв полу расстегнутой куртки, он повернулся ко мне боком и попросил:

– Вы сами посмотрите размер. Я не помню.

Мой взгляд стал привычно перемещаться в сторону жакрона (это такая специальная кожаная нашивка на поясе джинсов сзади, на которой указывается фирма-производитель и размер), но не смог сфокусироваться на кожаном прямоугольнике. Его как магнитом притянуло к другому предмету: за поясом джинсов матово чернела рукоятка пистолета. Почувствовав, что

пауза с моей стороны несколько затянулась, мужчина сложил два и два, запахнул куртку и с мягким нажимом произнес:

– Не нужно беспокоиться. У меня есть разрешение. Это законно.

– А я и не беспокоюсь, – храбро заверила я. Кстати, я говорила правду – никаких других чувств, кроме любопытства, пистолет у меня не вызвал.

Мы продолжили поиски подходящих вариантов джинсового счастья: все втроем выбирали варианты модели, спорили об оттенках цвета, надеялись, что нужный размер еще остался на складе. Наконец нагруженные семью экземплярами парусиновых брюк супруги пошли к примерочной. В кабинку они зашли вместе, и я отчетливо представила себе, как, раздеваясь, муж протягивает жене пистолет – на, поддержи, – а она также привычно-обыденно берет эту смертоносную машинку, стоит и с любовью в глазах наблюдает, как самый дорогой для нее человек примеряет джинсы.

От кассы к дверям магазина они шли, держась за руки. Пакет с покупками был завершением удачной охоты.

Муза трагедии Мельпомена нашла бы для себя много любопытного, познакомившись с семьей – папа, мама и сын лет семнадцати, с которыми мне тоже пришлось работать. Семейство зашло в магазин с благородной целью экипировать отпрыска для предстоящей учебы в университете. Юноша пугал окружающих ярко-красным цветом куртки и надвинутым на брови капюшоном толстовки с орнаментом, напоминавшим пожар в джунглях. Папаша с изрядно выпирающим брюшком и зычным командным голосом взял на себя миссию выбора модели и цвета джинсов для сына. Поскольку, по его мнению, «нормальный мужик» может носить только черные прямые джинсы, он предложил мне принести в примерочную кабинку, куда отправил жену и сына, все подходящие под данный критерий образцы товара. С этой заявкой я справилась довольно быстро: в модельном ряду было только два варианта – черные прямые пошире и черные прямые поуже.

Консультируя потенциального покупателя, сотрудник магазина иногда просит его продемонстрировать результат примерки для того, чтобы понять, правильно ли подобран размер, подходит ли модель и так далее. Старшие члены семьи не увидели причин для отказа в моей просьбе, поэтому сыну было велено открыть дверь кабинки и показаться.

Представшая моему взору картина наотмашь била по нервам: прижавшись спиной к углу между стеной и зеркалом, занавесив опущенное лицо длинной челкой, ссутулив плечи и закрыв руками область паха (при надетых и застегнутых джинсах) стояло худшее существо и даже не пыталось поднять глаза на меня или на родителей. Те начали придирчиво расспрашивать, удобно ли сыну садиться в этой модели, не жмет ли где и вообще – нравятся ли ему джинсы. Юноша покорно вставал и садился, поворачивался разными сторонами и пытался отмолчаться. Но не тут-то было. Очередной голосовой напор со стороны родителей вынудил сына к ответу. Ответ был лаконичен:

– Главное, чтобы они нравились вам.

Я не смогла дольше выдержать примерочную экзекуцию и ушла в зал. Через какое-то время я заметила, как троица покидала магазин, совершив покупки. В кильватере колонны шагал высокий юноша в дерзко-красной куртке и закрывающем пол-лица пестром капюшоне. Но теперь меня было не обмануть: за этим всем пытался спрятаться подавленный родительским насилием маленький мальчик, дальнейшая судьба которого, боюсь, окажется очень непростой.

Где вы берете сюжеты для своих произведений? Вопрос для пишущих людей неприятный, я думаю, потому, что он в первую очередь глупый. Поэтому отвечать на него трудно и неинтересно. И мне кажется, что ответ на этот вопрос простой: везде – в окружающей нас жизни.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Анастасия Милютина
(Москва)

МОЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОРГ!

Остров Сахалин

Хроники одного путешествия

Фото автора

Южно-Сахалинск

Бухта Тихая

Остров Сахалин – остров, лежащий в Тихом океане, на востоке России. Казалось, что это очень далеко... больше 8 часов на самолете... и было несбыточной мечтой. В какой-то момент это место стало целью моего очередного путешествия. Семь дней, два острова, два моря: Охотское и Японское, один океан...

Столица и административный центр Сахалинской области – город Южно-Сахалинск. С 1882 года здесь было село Владимировка, а с 1905-го по 1945-й – город Тохара, входивший в состав Японии. Город на Дальнем Востоке, у жителей которого есть удивительные возможности. Во-первых, зимой кататься на местном горнолыжном курорте «Горный воздух». Первые трамплины на горе Большевик появились еще в 30-х годах прошлого века, когда Тохара выступил городом – кандидатом для проведения зимних Олимпийских игр 1936 года. А во-вторых, буквально за час доезжать до Японского моря.

Маяк

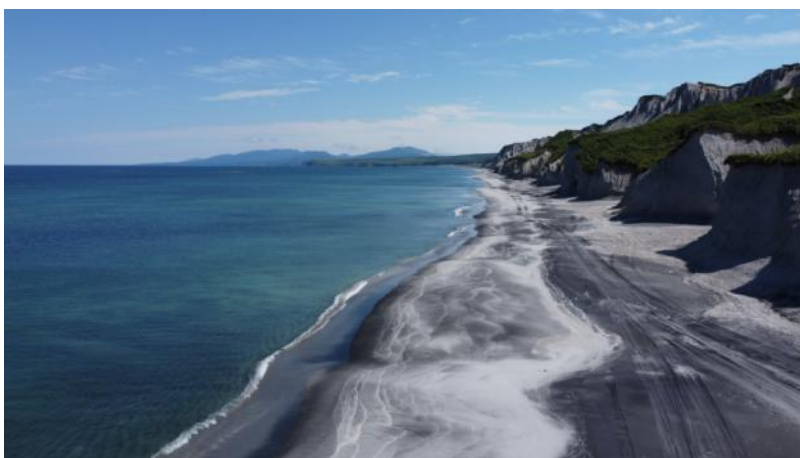
Это западное побережье острова. Путь к нему лежит через Холмский перевал Южно-Камышовского горного хребта. Высшая точка перевала – около 400 метров над уровнем моря. Серпантин обрывается в портовом городе Холмске, который начинается в ущелье, в затем тянется вдоль берега. Спустившись в Холмск и выехав к морю, можно повернуть направо, и дорога приведет в село Яблочное. Здесь один из любимых сахалинцами пляжей, по которым они ездят на машинах, с теплой чистой водой и пенящимися волнами.

Великан

Двигаясь по другой стороне острова, к востоку от Южно-Сахалинска, мимо ториев храма Хигаси Сираура Инари дзиндзя и поднявшись к северу вдоль Охотского моря, приезжаешь в бухту Тихую. Здесь голубая бодрящая вода и такие же пенящиеся волны, как в Японском море.

Маяк Анива – одно из самых известных заброшенных зданий России. Чтобы добраться до 40-метрового, построенного в 1939 году японцами маяка, надо доехать до села Новикова (несколько часов по асфальту от Южно-Сахалинска, а затем около часа по гребенке). Если море беспокойное, то больше часа может занять дорога на моторной лодке, хотя тут всего 36 километров по прямой – от села до мыса Анива. На крутом берегу острова белые здания, похожие на хутора. Здесь жили японские семьи – вахтами: две недели на маяке и две недели на острове, сменяя друг друга. Постоянных работников на Ниве нет с 1990-х годов. Интересно, как сильно привлекает это место туристов. По винтовой лестнице с бетонными ступенями можно подняться на самый верх маяка – пятый этаж.

Белые скалы

Три верхних этажа когда-то были жилыми комнатами, второй – радиорубкой, аппаратной и вахтенной. На первом же этаже была кухня и продовольственный склад, а в цокольном – дизельная и аккумуляторная.

Кипящая река

Музей

На берегу

Недалеко от города есть места для самостоятельного трекинга. Например, Лягушка. Это своеобразная скала, состоящая из камней от 6 до 8 метров в диаметре. Вид сверху... на леса Сахалина.

После дорога, которая ведет к Лягушке, проходит между озерами Изменчивое и Тунайча и резко становится жутким бездорожьем

с грунтовкой, застеленной бревнами еще при японцах. Здесь дикие перевалы граничат с обрывами. Эта дорога ведет к мысу Великану (Птичий). В день, когда мы там были, моросило. Ветер не утихал. И даже ветровка не спасала от непогоды – волосы можно было выжимать.

Все эти прибрежные каменные арки – лучше один раз увидеть наяву. Можно бродить вдоль берега и слушать шум разбивающихся о скалы волн Охотского моря. Красиво. Дождь в тот августовский день придавал этому месту особую атмосферу, именно ту, которую я ожидала.

Но остров Сахалин – это не только безумной красоты природа, но и насыщенная событиями история, которая собрана в краеведческом музее, построенном в японском стиле.

Интересно, что территория острова Сахалин до 1855 года никому не принадлежала. Здесь холодный климат, неплодородная почва и не растет рис (японцы, так сложилось исторически, выбирают для себя только те земли, на которых растет рис). Но японцев интересовали биоресурсы акваторий.

Одним из первых исследователей Сахалина был Иван Фёдорович Крузенштерн. Именно он нанес на карту слабоизученное восточное побережье Сахалина. Считалось, что Амур – основная артерия, по которой можно добраться до, как считалось тогда, полуострова, и что река теряется в зыбучих песках Сахалина. Этот миф развеял Геннадий Невельский в 50-х годах

XIX века. А в 1855 году граф Путятин (в то время он еще не был графом) написал о своей экспедиции в сторону Японии. Он же подписал Симодский трактат – первый договор о дружбе и торговле между Россией и Японией. Был заключен и первый договор о совместном владении Сахалином, а вот Курильские острова... России досталось все от острова Уруп и выше, а Японии, соответственно, те острова, которые ниже.

В 1875 году был заключен Санкт-Петербургский договор, по которому Сахалин отошел России, а Курильские острова – Японии. Айны, коренные народы всех этих островов (и Курильских, и Сахалина), подразделявшиеся на японских, курильских и сахалинских, были репатриированы в Японию, на территорию Хоккайдо. С тех пор они жили там в резервации и считались низшей кастой. В скором времени они вымерли из-за резкой перемены климата.

1905 год. Русско-японская война. Сахалин по пятидесятую параллель стал принадлежать Японии, которой полностью перешел в 1925 году. До 1944 года нефтяные концессии Сахалина были совместными предприятиями двух стран. Через год случились Японская и Потсдамская конференции, а потом наступило 2 сентября 1945 года, когда был подписан акт о капитуляции Японии. Именно в этот день для Сахалина закончилась Великая Отечественная война.

Кажется, аэропорт Южно-Сахалинска – единственное место, откуда на небольшом самолете с пропеллерами можно долететь до Курильских островов.

Где-то на острове в Тихом океане... Тут бездонное звездное небо, есть аэропорт, 13 километров асфальтированных дорог, но нет заправок. Население 6 тысяч человек, и 90 % машин с правым рулем. Есть ресторан, красивая набережная с яркими закатами. А из окна квартиры видно Охотское море.

Итуруп когда-то «вышел» из пены морской. Это остров вулканического происхождения. С одной стороны остров омывается Охотским морем, вдоль которого тянутся несколько километров Белых скал. В сухую солнечную погоду они и правда белые, а вот в дождь пемза становится серой. На этом же берегу и лавовое плато Янкито, поражающее своими масштабами. Берег резко обрывается и уходит в море. На острове не просто множество небольших водопадов, а целая стена. А вот другим берегом остров уходит в покрытый туманом Тихий океан.

...Мчатся на машине вдоль Тихого до самого конца бухты Касатка. Затем небольшой трекинг через тоннели в скалах, сделанные пленными корейцами в те времена, когда эта территория принадлежала Японии. Дойти до Зеркального пляжа. Это когда стоишь на песке и видишь в нем свое отражение... Кипящие озера, точнее кипящие реки – визитная карточка острова. Невероятно, но в этой воде варят яйца, а потом едят с красной икрой. Память об Итурупе – источники у вулкана Саранский. Отмокать в теплой природной воде... Вот таким для меня был Итуруп...

Вечерний рейс под угрозой задержки, хотя в Южно-Курильске (соседний остров Кунашир) самолет был и вовсе отменен. Но над аэропортом (Курильск, остров Итуруп) держалось голубое безоблачное небо. Пора возвращаться в Южно-Сахалинск. Ведь на завтра уже взяты билеты на самолет в Москву...

Московский салон литераторов (МОССАЛИТ)

www.moscowbazar.com

mari.veglinska@mail.ru

© МОССАЛИТ, 2023